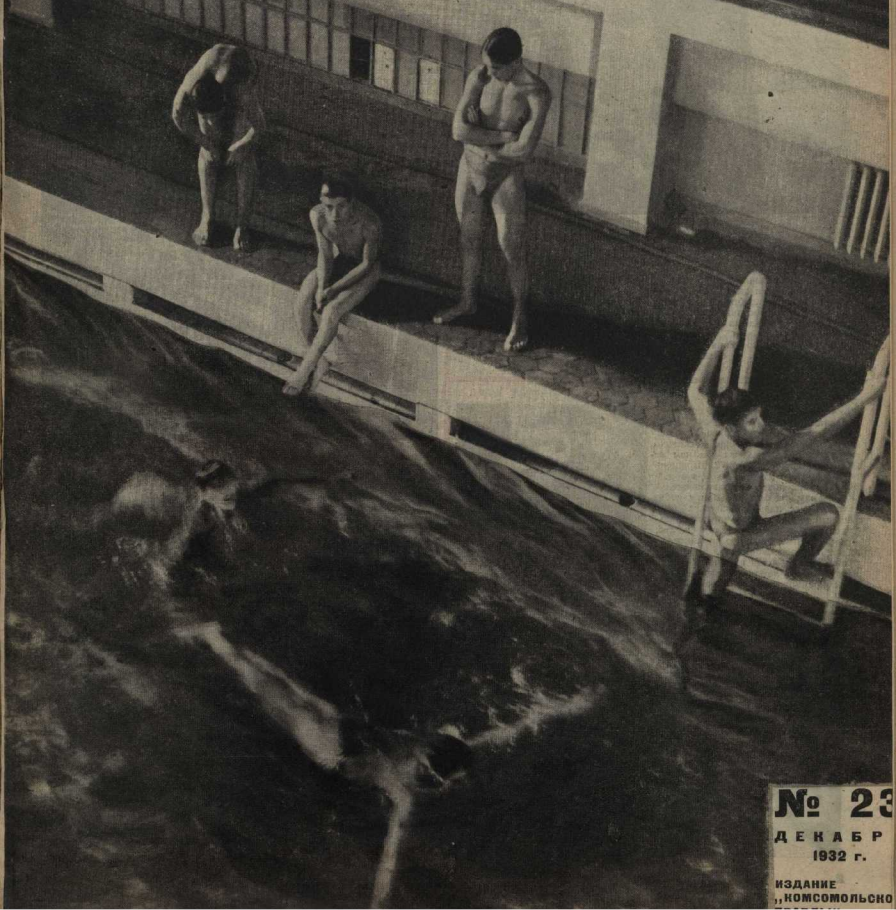

Здравствует победа социализма

СМЕНА

№ 23

ДЕКАБРЬ
1932 г.

ИЗДАНИЕ
„КОМСОМОЛЬСКОЕ“

КОМОСОМ ОЛ НА ФРОНТЕ СТРОЙКИ

● Экзамен на передовиков пока ими не выдержан — писала недавно «Правда» о работе комсомольцев Северного Кавказа по выполнению плана хлебобдачи. Северокавказская организация дала слово сменить пятно позора и добиться перелома на фронте хлебобдачи. Нижнекумюрский коллектив комсомола Цымлянского района явился за стрельщиком выполнения годового плана хлебобдачи. 14 октября ком-

сомольцы отравили последний красный обоз с хлебом в 1000 пудов и перебросали все тягло на плуги. Пример Нижнекумюрского коллектива показывает, что значит большевистская организованность и плановость в работе. На снимке: перетуга в Ростовском порту приймаемого с верховьев Дона колхозного хлеба с парусника на машины Союзтранса.

● Если бы у Володи Вланискира, ученика комсомольца 1-4 ЦКМ, Марыковского района на Украине (см. снимок), было еще несколько пар рук, он показал бы нам не двух кроличков, а все 172, выращенные под его руководством в образцовом школьном кролиководстве. А ведь в марте 1931 г. были у ребят только две пары кроличков. Обратный уход за кролиководством, походы за свежими ветками в лес, прочитанные книжки о кролиководстве сделали свое дело. Кролиководник Володя — один из лучших кролиководов на Украине. Володя дважды премирован своей школой.

● Сделать из огрызка железа лебедь для колхозного плуга — за это борется молодежная бригада Савдовского чугунолитейного завода Кирского района, Московской области (см. снимок). Для организации утильдеха использовали все старое оборудование. Молодежь была за стрельщиком в борьбе за трюизмство ширпотреба.

Комсомольская ячейка эргает «Витаска итудика» заповиала программу по ширпотребу за перае полугодие 1932 г. на 120 прои. Комсомольцы киаского завода «Большевик» добились производства на заводе из отбросов днерных ушек, застепок, скоб, ножей и даже круаеи. Лучшие ударники комсомольцы в различных уголках страны по-боевому борются за дозуг партия о производстве товара широкого потребления и организации встренной торговли.

● На этом снимке (внизу) ты видишь организацию встренной торговли в действии. Комсомолец-приказчик на советском базаре в Тюмени предлагает на выбор фуражку приехавшему колхознику из кулыгинского колхоза «Эконом». Ряд комсомольских организаций имеет уже замечательный опыт организации базаров и встренной торговли. В Ленинграде был создан специальный штаб по организации базаров. За десять дней до базара 4 комсомольца — полномочные штаба — сели в поезда и отправились в Ляновский, Пороховский, Дедовичский, Пушкинский и другие районы области для подготовки колхозников к выезду на базар.

Заутра — базар. Ночью члены штаба обходят товарную станцию, Ворынский вокзал, городскую ско-

тобойню и проверяют подготовку к встрече колхозников. С утра потанулись подвозы с маслом, овощами и т. д. Колхозники Дедовичского района, где накануне был комсомолец-организатор, привезли для ленинградских пролетариев 14 вагонов мяса, 500 кур, 9 вагонов овощей. На вырученные деньги колхозники имели возможность приобрести пилы, топоры, колуны, скородомы, утюги и другие предметы ширпотреба, о перебресе комсомольца базар подготовились комсомольцы завода «Электросталь» и других. Первый комсомольский колхозный базар в Ленинграде закончился чашкой чая, за которой сошлись «покупатели» и «продавцы». Ведь и те и другие — работники социалистической страны!

● У подножья горы, на плоскости, поросшей сухой рязавой травой, лежат планеры. Котельев, Крим. Здесь в ноябре проходила всеобщий сест планеристов. Комсомолец-пилот Павел Головин на этих состязаниях побил мировой рекорд продолжительности полета на планере с пассажиром. Этот рекорд был установлен в 1926 г. германским планеристом Шульцем. Шульц продержался в воздухе око-

ло 8 часов. Павел Головин парил 10 час. 56 минут. Что означает эта победа? Не пугает ли это погоню за рекордами? Нет. Продолжительные полеты дают парителем отличную тренировку в дневном и ночном полете, дают возможность лучше узнать машину и изучить обстановку воздушной среды.

На снимке: место состязаний; в углу — П. Головин.

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Издание „Комс. правды“

№ 23
1 9 3 2

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 34
Тел. 4-51-54

ЛЕВ НИКУЛИН

МОЛОДОСТЬ ГЕРОЯ

Обыкновенно на хозяйском столе в бюро отсыла «Тироль» лежали две газеты — «Petit journal» и еще одна газета, любимый орган господина Весседа. Ее издавали в Париже специально для соотечественников в ресторанах. И так как эти люди главным образом — уроженцы Оверни, то можно сказать, что это — орган оверненцев в Париже. Господин Вессед читал свою любимую газету с таким значительным видом, что у меня искривило духа, взять ее со стола и хотя бы тайком узнать, что же собственно пишут в органе парижских реставраторов и содержателей отелей и к тому же еще родом из провинции Оверни. Если парижанину нужно соединить в одном слове одиозные понятия — скудность, алчность, крохоборство, черствость, — то парижанин говорит «оверняк».

Но оставим «оверняк», господина Весседа, оставим, потому что здесь дело не в его любимых газетах и не в нем самом, а в заголовке «Petit journal», который издавался осенью 1910 г. по указу на глаза моему герою.

«Трагедия Ясной Поляны! Да, это трагедия! Любовь? О, нет! Где же автор «Анны Карениной»? Что думает графиня? Что думает старый кучер? Что думает мир?

Почему у и куда ушел граф Лев Толстой?!

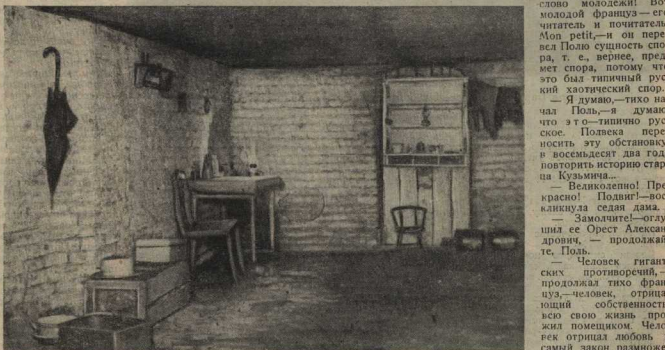
«Что за чорт! — подумал наш герой и потянул за газетой и вдруг услышал свое имя. В дверях стоял растерянный и изумленный Поль.

«Что за чорт, — прошептал он, — что еще выдумал ваш дядя-дядя? О, русские! Вы сведете меня с ума!»

Два года назад с той же exactнейшей и волнением он потрясал перед Орестом Александровичем маленьким томиком, изданным Кальманом Леви.

Томик назывался просто и неприказательно: «La mort d'un Jlic» — «Смерть Ивана Ильича».

Было одиннадцать часов вечера, когда он появился в квартире Ореста Александровича в Нейи. Помните, что значило для французского сына чиновника «Banque de France», что значило для французского юноши появиться в чужом доме без приглашения в такой неурочный час.

Свет едва проникает в подвал, где ютятся прелетарины Франции — страны с самым большим золотым запасом в мире..

Роман Л. Никулина «Время, пространство, движение» показывает на протяжении четвертого века судьбы пяти молодых людей — свиретистов автора. Молодость этих людей прошла между двумя революциями, между 1905 и 1917 годами. Жизнь, брошенная этих людей из уютного пригородного городка в Англию и во Францию, куда они бежали из России от черной реакции 1907—1911 годов. В давнем отрывке показывается обстановка в которую попали молодые люди, эмигрировавшие из царской России, среда, в которой они жили, обитали, которые их волновали и те годы. Наконец показывается особый тип эмигранта-беглец солдат царской армии, попавший прямо из царской армии в Пизу 1910 г.

— Formidable! Потрясающе! For-mi-dable! — восклицал он, потирая маленьким томиком. — Я не знаю ничего лучше этой повести! Последние мига на Чортов остров и позволите мне жить с собой только одну книгу, и это будет «Смерть Ивана Ильича». Но объясните мне, как можно жить, написав эту книгу? Как можно жить трансформом в родовую усадьбу с женой и глупыми сыновьями, и секретарем, и врачом, и лакеями... Россия! Русские! Вы соединяете в себе всю глубину азиатского скептицизма с дьявольской жизнеспособностью! Я поеду к графу Толстой!

— Ты поедешь домой, Грися, — меланхолически сказал Жорж, — иначе ты опоздаешь на последнее метро.

— Нехватает только «dame slave», глупостей о славянской душе и славянской загадке, которыми теперь жонглирует любой французский «интеллектуал». Нехватает только оди русского балета.

И Орест Александрович не прибавил больше ни слова. Он проиграл Жоржу партию в шахматы и сразу ушел спать.

Это было два года назад. В эти два года молодой француз потерял вкус к литературе, теперь он говорил, что может читать только путешествия и что Франс лекомислен, а Шоу скучен. Мы ругали его снобизм и champagne-верболом, и вот уже с наших уст только было сорваться еще интимное произнесение слова «футуристы».

И вдруг футуриста и сноба взяла за живое судьба Толстого.

Мы поехали к Оресту Александровичу, мы застали у него седую стриженую даму и двух горючих и нервных стариков. Мы услышали его авеню молодой толстой:

— Meuteur, lae! — кричал он убежденно сибирскими селениями старцу, — он алет когда говорит, что Лев Толстой знал о том, что в Японии выкапывают стражников. Это вы с вашей млейной предзатою и пелантизмом довели его до того, что восьмидесятилетний старик уходит из родового гнезда, где все делается для того, чтобы продать его дин!

— Орест Александрович! — воскликнула седая стриженная дама, — это величество! Это прекрасно, как греческая трагедия. Он на пороге смерти, и именно сейчас он рвет с этой ужасной семьей. С семьей, которая не понимает его, которая торгует творениями его великого ума!

Болтовня, — прервал ее нервный и живой старик, — Анюта, не будите девицкой! Все очень просто и естественно. Великий художник и мыслитель поддел итоги своей творческой жизни.

— Пасивный анархизм! — вдруг закричал второй старший старик. — Знайте, что только община и артель создадут в России социализм.

— Гегри Джордж, — воскликнула седая дама.

— Бредни! —

— Camarades! — громовым голосом вскричал Орест Александрович, — слово молодежи! Вот молодой француз — читатель и почитатель. Mon petit, — и он переложил суть спора, т. е. вернее, предмет спора, потому что это был типичный русский хаотический спор.

— Я думаю, — тихо начал Поль, — я думаю, что это — типично русское. Польке переносит эту обстановку, в воссоздаст для года повторить историю старца Кузьмыча...

— Великолепно! Прекрасно! Подлинно-восстановил седая дама.

— Замолчите! — оглушила ее Орест Александрович, — продолжай, — продолжай, — продолжай, —

Поль.

— Человек гигантских противоречий, — продолжал тихо француз, — человек, отрицающий собственность, всю свою жизнь, прожигая помешком. Человек отрицал любовь и самый закон размножения, и в то же время — отец семейства и страстный, любящий муж. Че-

В центре Парижа расположена комфортабельная баня для собак...

человек отрицал искусство и оставил миру «Смерть Ивана Ильича» и «Детство». Человек отрицал культ и религию и создал культ и ханжеское и лицемерное учение толстовцев...

— И что же?—опять вменялась сюда дама,—и вот он ушел! И это—подвиг! И это—пример!

— Замолчите!—еще раз закричал Орест Александрович,—я вам скажу, что будет: он умрет от первой простуды.

На этом пророчестве и кончился русский спор.

Дожди сменились ноябрьскими туманами, слезавшие окна кафе, свет электричества мешался с тусклым сумеречным светом дня, шестистеи страницы газет, и перед нами из парижского дождя и тумана вставало злосчастное русским сиегом стационное здание, венецианское окно в узорах иная, простая железная кроватка и на кроватке—умирающий старик, так просто и так страшно написавший о смерти человека и смерти дорва в лесу.

— Молодой человек, если бы вы так знали, как и знаю, — говорил нам философствующий художник — Едва ты успеваешь прочитать

десять тысяч книг, мудрость, уменьшающую в трех комматках, как тебя зовут, и ты уходишь отсюда и знаешь, еще меньше, чем знал до того, как пришел...

— Да, но тебе семидесят лет, мстечковий философ!

— Шучу житей двести лет и столько же живет птица ворон.

— В Неаполе в аквариуме я видел отвратительного морского гада, взрослого морским излом. Ему было три тысячи лет. Вы слышите, три тысячи лет жила эта жеренкообразная, змееподобная гадина! Меняться омертвевшей матерью, а она жила. Лаза испепеляла Помпею, а гадина жила. Горела Александрийская библиотека, варвары топили Рим—она жила... Голова Робеспьера падала в корзину, Золя писал «Я обвиняю»... Умер Толстой, а она жила! Что же такое жизнь, дьявола? Что такое человек, если его жизнь—пятидесять лет века морского гада?

Пятидесятилетний француз, наш парижский друг, запущал пальцы в мягкие русские волосы, и тогда наш герой бросал газету и кричал, потрясая кулаками:

— Тебе семидесят лет, старый верблюд, тебя зовут не Поль Дюран, а Моисей Гольдштейн, и ты не художник-кубист, а мстечковий учитель из Радзивиловы, старая песошница!

Лев Толстой умрал не умудро и не вези-ственно, а умрал простой человеческой смертью, и мир оторвался от биржевой судо-логи, от Бриан, усмирившего бастующих же-лезнодорожников, от речей императора Вильгельма, и миллион бумажных рупоров переда-вал то, что происходило на русском железно-дорожном полуострове Астапово. Из Парижа мы не различали мышей бедности репортеров, суестьи властей и начальства, суматохи священ-ников и наследников. Расстояние от Москвы до Парижа уверило нас от речей обществен-ных деятелей и статей собственных корреспон-дентов.

Только через двадцать лет мы прочитали а подлиннике телеграммы репортеров: купье столько-то, температура такая-то, зингит София Андреевна слезах венецианского окна точка запятая окрестные крестьяне трогательно сочувствуют точке прибыл начальник доро-ги губернатор точка стражников точка шлите дополнительные патисот.

От всей этой суестьи нас уверило несколько тысяч километров, отделяющих нас от России; только через двадцать лет мы узнали о том, что в стационной комнате у кровати, на ко-торой лежал мертвый Толстой, стоял жандарм-ский унтер и пропущал мимо себя народ, слу-чайных свидетелей и официальных церемоний-мейстеров этой смерти.

Объяснения человеческого комедия смерти на расстоянии нам казалась трагедией, как же как седой и юной Анюте.

Но как ни глубоко переживали смерть Тол-стого на левом берегу, сколько ни спорили в землеритских квартирах о толстовском анархи-зме и толстовском наследстве, только тогда, где появились истинное значение этого события. И очень скоро Орест Александрович понял, что не одно царевнишество может пробудить кованую и слепую мертвым солнцу Россию, но и дубовый гроб, в котором уместился на-восьмидесятилетний старик, гроб, опущенный в могилу и зарытый без погов и отпевания. Эта смерть вызвала на улицу толпы, толпа распахнула ворота фабричного и университетско-го дворца и вышла на улицу, Казань патрули-опять понеслась карьером на людей, и над авошмановой и задыхающейся от скорби и гнева толпой показался чернотелый человек в барашковом шивке. Он сорвал шапку, простер руку и бросил в толпу страшное, бое-вое слово, громоподобный раскат пятого года:

Товарищи!

Мы возразились к спорам о Толстом и ве-стой 1911 г., когда наш кружок стал кружком четырех и мы приняли к себе взорванного и напуганного Парижем и жизнью Митю Ка-лошиникова. Он был до того надуван, что даже Орест Александрович не сразу приручил его за самолюбием в меблированной квартире в Нейи. Митя Калошиников приехал в Париж с письмом к доктору философии Севочке Маслову.

«Ему очень худо, милосе,—писала Екатерина Николаевна, мать Пети Иванова, —он очень несчастлив».

Друг молодежи и искусство сделал для бедно-го юноши не саншком Унго. Он дал ему алее мастерской Пуля на улице Каванья, Митя при-ходит к мастерской и отказывается от омазет-мадемуазель Марсель и почти нового пиджака и штанов Пули, от десяти франков взаимы. Он не устоял только перед раздурным и самоваром Ореста Александровича.

— Мон пети,—сказал ему, искупил брови, хо-зяин,—вы смеяны в ваших штанах «blen gen-ialtes», жандарского сунка. Чтоб я не видел больше этой шизии! Она хороша на Украине на бахче и питом на чучеле... Он не пона-хлудился на саториюрскую митину голубу кас-кетку Жоржа.—Сходите на авеню Гобелан, там нечто ародо ботро по присказанию занятии для русских. Потому и поговорю о вас с Дамаше-вичем, малая чета, эсеры и притом со предста-ви...

Между тем Митя Калошиников тощал от го-лода и ночевал под мостами, на речных бар-ках, на оленях, под от минны, Митя не обидел, как он попал в Париж и почему бежал от се-мьи и соудачив...

— Сидите,—опять сказал ему Орест Алексан-дрович,— вы превратились в скелет и спите на-го. Вы отказываетесь от минны, Митя, по-лит. Жорж говорит, что вы изнурите себя самой тяжелой работой. Вы грузите тяжести за три франка в день. Где вы спите? Что вы

загнать? Как вы живете? Глупо так страдать и притом страдать без цели...

— Я вегетарианец... — ответил Митя, — мне много не надо.

Но это — не политическая идея! Вегетарианство... Может быть, вы толстовете? Тогда вас надо послать в Канаду к дубохранам. Я напишу Черткову.

— Я толстовет. Я не эсер и вообще я не социалист... — растерянно, но громко провозгласил Митя... — спасибо, Орест Александрович, но я на в бога, ни в черта не верю.

Подруга Ореста Александровича наконец услышала его голос и с необыкновенным изумлением посмотрела на Митю.

Орест Александрович мигнул ей, и она вышла.

— Не верю в людей... — вдруг быстро и громко заговорил Митя, — жизнь моя делится надвое — дом и солдатчина, и неизвестно, что для меня хуже... Мой отец известен в нашем городе как махровый черносотенец. Любимые паншны царя были Николай I и Александр III, стало быть, вам уже понятна его природа. К этому я могу добавить, что он был почетным членом палаты Михаила Архангельца, писал Пурешкевичу и получал от него письма. В коммерческом училище я имел стипендию Татаринова, черносотенца и миллионера...

Квартира у нас была, как могилы, заткала, темная, пропахшая запахом давно не смениемого белья. Я сидел в коридоре на сумочке, потому что в занесенной комнате жили три гимназиста пятой гимназии, усевшие олухи, испорченные дети. Отец держал квартиру для гимназистов, а где было жить испорченным детям из Балты, как не у отца. Петра Калашникова, законоучителя пятой гимназии? Матушка была забитая, пустая и скарелая баба, просто говоря, и ничто! И сколько я себя горюю, ничего кроме страха и злобы я к моим родителям не чувствовал.

В общем я не такой уж несобесловный и много могу бы научиться, но из застен и ненависти к родителям и по два года сидел в классах. Каждую четверть года я приносил отцу аттестацию, получал от него плохую и уходил в сумочку в коридор. Вот и вся наука... — с этими словами у моего отца был тизелый, каменный кулак. Выражался он про меня так: «Митяха хотя и дубина, но зато в бога верит».

И верно, я был поклонялся, шел на клиросе, по самому детству приучаясь себе забаву — мстить молотком с самыми сраными учениками словами, и в этом была моя мсть отцу.

Калашников скрипнул зубами и поблелел.

— Чем больше принуждали меня молиться «за пресветлейшего и вселержавнейшего», тем более его я ненавидел. Тут мне пришла в голову одна отвратительная примечка. Начиная с пятого года, когда появились во всех ученических папках брошюрки и красные книжечки, отец Петр искал их, сам лазил за ними в партию, доставлял их у гимназистов взад — назад и приносил домой. И дома бросал отобранные книжки и говорил мне значным, дяконским басом:

— Прeday огню зелье аиарекое!

Я брал это зелье, шел на кухню, тут же прятал книжки в моем тайнике за печной трубой. И ночью при огарке читал их и, что мне особенно нравилось, заучивал наизусть. Так я читал все, от «Сборника ессей «Красное знамя» до «Эрфуртской программы», и это был мой аттестат зрелости. И дожили я до двенадцатилетнего, попрежнему ходил в воскресенье и по воскресеньям, в праздник и под праздник в церковь, не имел от страха перед отцом и начальством, прятался в темном коридоре и читал зараз все из моего тайника — «Саянла» и «Русскую историю» Шинько, все — самые похабные и самые умные книжки — паншину добычу.

А папаша ходил по стойкой, грузный, цесствидомый, в продолговатом ческом подрабине, икал, харкал, чесал кадык. Не считая этих звуков, квартира наша была могилкой. И когда во всем городе праздновали весну, все окна были открыты настежь и деревья были уборны белым каштановым цветом, окна наши были закрыты, потому что папаша не терпел ученического шума и сквоэинка.

Товарищи? Какие могли быть товарищи у половина, у черной согги, у сына протоперка Калашникова, о котором в газетах писали, что он — единственный поп, служивший молебны о здравии раненых потрошников. Я не себе нас черное паншину или, нем мучил ста и застенность. Как мне разлать чужести и ска-

заты: «Слушайте, я вас, примите меня к себе, испытайте меня жизнью и смертью». И я молчал, все меня чуждались, и так я жил с клеемым поповича и сына пиромоника.

Когда нашла бомбу у Выходцева, меня первого вызвал ладиком Гарбузов и сказал:

— Вы сын достоуважаемого пастыря, верно? царского слуги. Вы один из всего класса богобоязливый, скромный и добрый. Расскажите, молодой человек, все, что знаете по этому делу.

Три раза он приставал ко мне с тем же, по я ему не сказал ни слова.

— Сообщите отцу Петру, что сына он воспитал не в страхе Божием, что сын его — негодный и крамоульник, и только, чтобы не сранить на весь город батюшку, заперетьство наше не будет иметь последствий.

В ту же ночь я взял на кухне секач (им на кухне рубят котлеты) и стоял около часа у

дверей папашини спальни. Но так и не вошел к отцу. Изнеда себя вконец, повернулся к иконам и сказал:

— Слушай, бог, если ты таков, как твой поп, то будь ты вместе с ним проклят. А если ты есть на земле или на небе, то помоги мне стать отцеубийцей.

Так я закричал полным голосом и вдруг увидел на пороге спальни отца. Он только треснул и хрипел, до того я удивил его, точно паншова ролалась у него на глазах...

Калашников поблелел, вытер со лба пот и продолжал, слабо и болезненно улыбаясь:

— Не должно быть бога нету, и отцеубийцей я не стаю. Не гадай, пущи секачом в икону и только слышал, как раскомалась икона. И тут же напрыгнул из окна на улицу. Окно я открыл заране.

Тас я ушел из родительского дома.

Ночное небо Париза рассекает белый обелик на пл. щиди Согласия...

ЗАВИСТЬ

Никто никогда и нигде не мог назвать его прогулянщиком. Никто из товарищей никогда не упрекал его, что он задерживает работу. «Хвост» по математике, тнувшийся почти два семестра, на третьем он с треском поломал ликвидировал. Роговое знание профкома по праву осталось за четвертой бригадой, имевшей три неизменные «хвоста» по сопротивлению материалов. Вторая бригада, членом которой и был студент 3-го курса Электротехнического института Владимир Ситков, шла таким образом в ногу с жизнью, держась на уровне старательных середнячков.

День Владимира Ситкова начинался так же, как и у тысячи других студентов, заселявших огромные светлые корпуса студгородка. В семь утра он брел в коридоре чайником, направлялся к заветному «титану». Через несколько минут он возвращался с книжкой или запиской ругался по поводу того, что «титан» еще холоден — не было колотых дров. В таких случаях зав. «титаном» Дарья Фелорова как-то студенту рекомендовала: принести с собой вместе с чайником три газеты для своего подшефного, если он хочет уйти в институт, согревшись стаканом чая.

Без пяти шести Владимир обычно бывал в институте. И не было такого случая, чтобы он опаздывал на занятия по своей вине. Ни один профессор не мог пожаловаться, что Ситков халатно относится к учебе. В этом учебном году и математик намерен о нем свое мнение:

— Ситков? Ничего. Исправляется.

Но профессор гидранки Кораблея в откровенных беседах с друзьями, в разговорах «под душ» со студентами частенько говорил о Ситкове, да и не только о нем, а о большинстве групп:

— Я на вас не могу пожаловаться, люди вы старательные, интересуетесь предметом. Но мне кажется, что это еще далеко не все. Помните, я вам часто напоминал слова моего профессора, Степана Викторовича Безродного. Он всегда говорил нам, своим ученикам: «Умейте видеть и знать больше, чем с нас спрашивают. Делаете вы это? О большинстве я этого сказать не могу».

Он упоминал о Ситкове. Когда профессор ведет всеступительную беседу или читает лекцию, иллюстрируя ее свои соответствующими материалами, Ситков аккуратно заносит в записную книжку формулы. Когда наступает время сдачи задания, Ситков просматривает свои записи, заучивает формулировки, данные профессором. И никогда профессор не мог поставить Ситкову «пешку» по гидравнике, потому что Ситков всегда как-нибудь отвечал. Скупое, бледное, но отвечал. Скупое потому, что в багаже у него было лишь те слова, которые он успел записать. Бледное потому, что ничего нового, своего, почерпнутого из других источников, он привести не мог. Но за скупость и бледность нельзя было Ситкову поставить «пешку». Он знал ровно столько, чтобы получить с небольшой погрешностью суд.

Но не только профессора Безродного цити-

ровала профессор Кораблея в откровенных «душных» беседах со студентами.

— Вы помните Майорова,— говорил он влуду удивленно и обеспокоенно.— Он живет хуже нас. Да! Бесспорно хуже. Ежедневно человек тратит три часа на дорогу в институт и обратно. А вот Ситков, например, тратит только 40 минут. У него больше времени, чем у Майорова.

Ситков не любил Майорова. Да и многие Майорова не любили. Этого слесаря, партия-считчика, извисты «сиксовка». Не любил за то, что он единственный из группы ратовал за введение двух дополнительных часов по несмешному языку, а когда группа наконец отказалась от этого предложения, Майоров присоединился к сборной группе, которая зашлепала в институте от пяти до семи, и вдобавок еще посещал разговорный кружок, который работал по вечерам в общежитии.

Майоров часто выступал в профессорских дискуссиях, упоминал труд различных ученых, о которых Ситков даже не слышал. И за то может быть не любил Ситков Майорова, что у того было составлено обстоятельное карточка электротехнических данных. Ситкову казалось, что Майоров кичится.

Легкая тень зависти пробегала в глазах Ситкова, когда он видел Майорова на общем месте институтской читальни.

— Все равно всех книг не перечтешь! — успокаивал он себя.

Но Ситкову не раз приходилось обращаться к Майорову в библиотеке. Когда он успевал записать на уроке все нужные формулы, он имел под рукой необходимое пособие, он приходил к Майорову.

2.

Институтские коридоры полны движения. В учебной части, партоме, зиньках, аудиторных и газетных в руках дружно обсуждают решение правительства о высшей школе.

Вечером в комнате № 218 шла оживленная дискуссия. «Вопросы ленинизма», XVI том Ленина свободно лежали на полках. Труды профессора Титюченко по сопротивлению материалов ютились на полке скромного фанерного книжного шкафика. Никто на них в этот вечер не обращал внимания.

— Невнимателен на семинарный состав,— небрежно уронил Петров, сосед Ситкова по койке.— Наверное придется расстаться с вузом.

Комсомолец Кондаков яростно взмахнул рукой.

— Довольно, Петров, вылезать на социальном происхождении! Техническая реконструкция не может идти у тебя на поводу!

Ситков сидел молча. Не говорил ни слова, он вышел из комнаты. В коридоре по-прежнему брели чайниками. Изредка кто-то из жильцов общежития останавливался, ставил на подоконник чайник и, вынул из кармана уже почитанный номер «Известий» или «Комсомолец», начинал доказывать собеседнику свою правоту. Пройдя двор, Ситков вошел в библиотеку. Человек двадцать с нетерпением перемалывали шты на вору у деревянного барьера. За стальной дверью читальни Ситков увидел вихрастую голову Майорова, сидевшего на своем излюбленном месте у окна, рядом с бюстом Ленина. Он так же, как всегда, нервно переминался пальцами в дерюгах своей шапелюры или успешно скользил карандашом по мекской сетке мистой страницы.

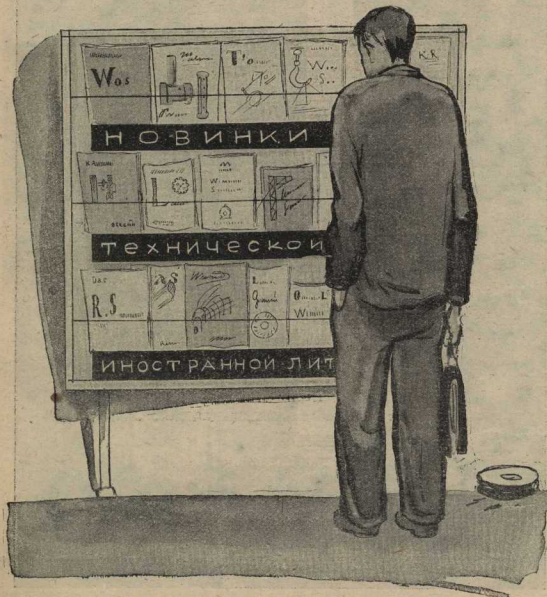
«Ему не страшно,— подумал Ситков.— Ему все равно. Он так же спокоен и уверен в своих делах».

Ситков остановился у витрины с иностранной литературой.

Латинские буквы немецких, английских, французских журналов смеялись над ним. Фотографии сложнейших станков чернели на глянцевитых обложках журналов. Внимание Ситкова привлек снимок распределительной доски на обложке издания немецкого союза инженеров-электриков. Ситков прочел название журнала, год издания, подписал под фотографией и примечание, что статья об этом распределительном механизме напечатана на 12—20 страницах. Восемь страниц несмешного текста. Для этого нужно затратить минимум пятидесяти

Он вспомнил о дополнительных двух часах в декаду по немецкому языку, о разговорном французском, о Майорове, который уверенно переписывал страницы зарубежного журнала, беря от капитализма все, что нужно для социализма.

Часы показывали без пяти десять. Майоров заканчивал работу и читал. В десять он уходил домой, оставляя свой стол на Красную Пресню. Около полудня часов отнимала у него дорога. В полдень двенадцать

Латинские буквы смеялись над ним

...Взяв ручку, начал писать

циного, он уже готовился ко сну. В двенадцать он записал в том, чтобы завтра с шести утра снова начать трудовую день. Иногда перед сном он выключал радио и в течение 15—20 минут слушал музыку, которую любил больше всего на свете.

Ситкову вдруг захотелось его остановить, поговорить с ним, но он раздумал и вместе с Бочарниковым—партиром группы—ушел домой.

3

Когда все улеглись, Ситков потянулся веревкой, оставив горсть настольной лампочкой. Он аккуратно развернул скрепки линованной тетрадки, вынул из нее лист чистой бумаги, потом так же бережно отвернул скрепки в обратную сторону. Лист бумаги он поможил пересобор на номер институтской многотиражки «Пролетарий на учебе», а тетрадь вложил в «Критику Готской программы».

Борисов сидел в чернильнице кусочек химического карандаша, он налил в нее немного неадекватного чая и, взяв ручку, принялся писать. «Друг Сени,—начал он.—Прости, что задержался несколько с ответом. О причинах ты, вероятно, сам догадываешься. Ты знаешь из газет, что в институте студенческое бытие за последнее время приобрело серьезные изменения. Учиться труднее. Свободного времени стало еще меньше. Сегодня просматривал свою зачетную книжку. Из восемнадцати единиц предметов я имею в арсенале своих познаний семнадцать единиц и один сесамид. Эти судья пронаехали на меня почему-то довольно безрадостное впечатление. Они мне кажутся убогими в связи с теми требованиями, которые стоят перед нами, будущими советскими инженерами. Тебе кажется необычным, несостоятельным мне бессмысленно на тему об «удаче» и «неудаче». Да и для меня это тоже несколько странно. Тем не менее это так. Тот минута, который я жил раньше (почти три года пребывания в институте и четыре—на рабфаке), теперь представляется мне в лучшем случае соломинкой, которая помогала мне держаться на поверхности воды. Но во всяком случае это была все же соломинка, и плыть с ее помощью по могучим просторам научных знаний довольно трудно. С треском попыток можно удержаться на поверхности в такую погоду.

Но разве теперь только этого достаточно, когда жизнь с неимоверной скоростью летит вперед, когда каждый день наука вносит свои поправки в природу, поднимает себе ступень, когда так высшего напряжения бьется в умах и сердцах людей, строящих невиданную страну невиданных возможностей? Удержаться на ней одной соломинке, когда человечество, идя гигантскими шагами, поднимается выше, поднимая своей воле земные недра, воздух, бездонные просторы моря, необятные пространства?

И вот, думая над нашими перспективами, над идущим «завтра», я пришел к такому мрачному выводу: мой «удача» является лишь жалкой попыткой на завоевание минута, которая, что являю слишком мало для того, чтобы смочь дерзнуть. Я увидел, что вся моя учеба проходит формально, что я учусь от зуча до зачета, как ползущий от гудка до гудка, и считаю дни, месяцы, годы, которые остались мне до окончания вуза, чтобы освоиться от тяжелого груза науки и стать ИТРОм.

Помнишь, я тебе писал как-то об одном чу-

лове, который всякую свободную минуту сидит в читальне или рыщет по московским библиотечкам в поисках всевозможных интегралов и геометрических формул, о которых профессор думает не спрашивает? Помнишь, как я издавался над ним, называя его человеком, с головой уткнувшимся в футляр? Ведь это во мне говорила зависть.

И самое главное, что помимо этой глупой зависти никакого другого чувства Майоров во мне не вызвал. Преклоняясь внутренне перед его зрелищем, я скорее склонен была награждать его ушами презрения, чем восхищаться его умением работать, учиться и «выжить» в «святое святых» научных ценностей, выработанных человечеством.

А как я учился?

У нас в то время цвел распустился лабораторно-бригадный метод. Два года подряд мы работали четверо, выполняли задания коллективно, друг друга вызвали в минуту жизни трудную, получали судья и были прямого собою довольны. Самостоятельной, индивидуальной работы вести почти не приходилось. Майоров тоже работал в бригаде. Но это в его системе учебы было лишь какой-то поправкой. Для Майорова бригадная работа была лишь одной частью жизни, потому что основную работу он вел один, индивидуально, вне бригады, вне связи с группой. Для меня же бригада была тем единственным резервуаром, из которого я черпал свои знания.

Ты сам понимаешь, сколько пришлось переждать за последнее время, когда основным методом занятий стал метод индивидуальной.

На прошлой декаде открыл впервые книгу Тимошенко один. Вокруг меня не было никого, кто бы мог помочь, кто бы мог многое неопытное разъяснить. И тут я, как всегда раньше, испытал своей слабости. Ну хорошо, сейчас я могу спросить у старших товарищей, могу пойти за советом к профессору или ассистенту. Но ведь там, на провинности, когда я буду уже руководить определенными участками работы, мне не у кого будет спросить? Я должен и обязан сам разобраться во всех вопросах. И здесь я увидел, что между мной и Майоровым лежит бездонная пропасть. Я увидел, как он был глубоко прав, работая над собою с таким напряжением и упорством.

Я завидую ему и теперь. Трудно мне изобрести от этого чувства. Но эта зависть очень далека от того глупого чувства, которое я испытывал по отношению к нему раньше. Завидую, я учусь его методом. На прошлой декаде я начал составлять себе тоже карманную карту. Записываю в нее проработанную литературу. В моем активе уже имеется одна небольшая книга, две статьи и десятки полтора заглавий, не входящих в текущие планы.

Да, еще одна новость! Начал посещать дополнительные уроки немецкого языка и разговорный кружок. Кое-как укладываюсь пока. Что будет дальше, видно будет. Думаю все же не отстать.

Ну, как у вас в Лесотехническом? Написши обязательно. Будем так сказать, обмениваться опытом.

Всех благ.

Твой Володар.

В ночь на 9 ноября 1932 г. скончался т. Надежда Сергеевна Аллилуева — активный и преданный член партии большевиков.

Родившись в 1901 г. в семье рабочего-революционера, Надежда Сергеевна с ранней молодости связала свою жизнь с революционной работой в рабочих классах.

В 1918 г. совсем молодой она вступила в ряды ВКП(б).

Бессонные ночи работы с секретариате Ленина сменились Царичинским фронтом. После гражданской войны с прежней активностью она включилась в революционные будни, работая в «Правде», в редакции журнала «Революция и культура».

Оценку жизни Надежды Сергеевны перед рабочим классом, партия направляла ее на учебу в Промышленную академию.

Неожиданная смерть вырвала из рядов нашей партии лучшего товарища, активного революционера, лучшего ударника Промышленной, друга и верного помощника т. Сталина.

Надежда Сергеевна обладала революционным порывом, требовательностью и себе, преданностью делу партии — свойствами ленинского стиля в работе, которыми должны овладеть и овладевают комсомол и рабочая молодежь.

МУЖЕСТВО

Писатель Иван Рахилло вступил в ряды и-епо-подушного флота, где варил с выполнением боевых заданий он работает над, романом из жизни летчиков.

Мы печатаем отрывок из этого романа

Попов застегнул ремни.

Готово!—крикнул он летчику.

Задрав хвост, самолет ринулся вперед по снежному полю и, поднявшись над ангаром, плавно развернулся над железной дорогой, влево. Все это было так буднично и обыкновенно; Попов сидел, не шевелясь и обдумывая, где бы достать запчасти, чтобы закомпанить окно в своей комнате. Сам он ползком пролезил с неважанными щелками, а тут присажал жезл,

она не выносит сквозняков. Не меня показывая, он следит за приборами: алтиметр показывает 700 метров—пора! Со всем по-домашнему. Попов деловито начинает готовиться к промеру ветра: он вынимает из сумки борт-журнал и заносит туда температуру воздуха на высоте. Нужна большая ловкость, чтобы держать тонкий карандаш в меховой рукавице, но для него это привычно. Поклохнул Андрей по плечу, он указал рукой направление и начал через визир, висевший снаружи борта, определять градус склонения от курса. Повторил это в разных направлениях, он на ветровете решил угол склонения: самолет снизошел на 4 градуса вправо.

Со стороны подошел самолет и качнулся с крыла на крыло—это был условный знак: русский конус, а готов к стрельбе! Попов хлопнул Андрея по плечу—скорость нужно было сбавить, конус сбрасывался на малой скорости, чтобы не оборвался веревка. Попов взял кнопку хвостового держателя и резко потянул за рычаг: оглянувшись назад, он не увидел конуса. Попов надавил сильнее и рванул за рычаг уже двумя руками—конус не распустился. Тогда он выскочил через борт посмотреть, в чем дело; холодный ветер наотмашь ударил в висок, очки заприжали на носу; конус, сорвавшись с замка, зацепился железным ободом за каблочки от треса руля глубины и, прижатый ветром к фюзеляжу, не распустился. По приказанию командира отряда в таких случаях нужно было немедленно садиться на землю и снова поджидать конус. Попов же решил обойтись без посадки.

«В самом деле—две машины вышли в воздух, прощай уже такое расстояние и теперь возвращайся назад. Это дорого будет стоить. Ну-ка, брат, давай астрочное решение!»

Вынул из держателя запасную ручку управления, он переключил через борт и предпринимал стал отталкивать конус вниз, чтобы струя ветра его отбросило от машины. Но короткая ручка не доставала до конуса. Тогда Попов отстегнул ремни, которыми был прижат к самолету, встал на сиденье и переахалился за борт напозвоину: порывом ветра са-

молет прождало качнуло в сторону, и летяно, потеряв равновесие, повис вниз головой, уцепившись за прибор, по которому он только что определял склонение. Не растерявшись и удерживаясь ногами за турель, он медленно с неперерывным напряжением потянулся на руках и еле всулся в кабину. Основным ощущением его был не страх, а сразу всплывшие пошл: «Чорт возьми, такой мороз, а летим сквозняком—подумаю он, уже старательно застегивая ремни.

Оглянувшись назад, Попов увидел длинную веревку и на конце ее упруго бьющуюся на плоскостный конус. Обтерев виски о стену, рукава авиакрепкой нос, он победоносно устремился на место. Андрей в зеркало видел все это происшествие и показывал большой палец: молодец, мой, брати!

Конус брызгался. С идущего рядом самолета по нему нечасто потакалили пулемет, и только теперь Попов мог стать размыленным и разбору своих ощущений: оказывается, он чуть-чуть не утонул... Вот эти новеллы! Он не замаяно... И жена пришла бы как раз к похоронам.

Только сейчас он ощутил какое-то неприятное чувство: сразу стало холодно, и ощущение полета было уже неинтересным—скорее бы быть на земле, поковылять к бутылке и выпить горячего чаю. Он с боковым выгином за борт и определил, что если бы сорвался, то мог упасть как раз на железную дорогу, по которой дима по товарный поезд. «Решается бы да еще и поездом бы передался. Ничего себе смертушка!»

Но вслед за этим его охватило чувство детского наивного восторга, он вдруг исподтистил незамеченные равнины земли. Он бисерил, бисерил стекла на компасе, потертость ремней и трепещущую на валежке кожу, которую он забыл смазать маслом и вспоминал от этого как раз в те минуты, когда под рукой масла не оказывалось.

Снежная земля и оранжый дымок на паровоза были восхитительны. А облака! Переваливаясь и клубясь, они пробежали мимо. По ним, прыгая через сырые сумеречные впадины и казались на освещенные вершины, маялись в стрелителном беге темная тень самолета, обвита радужным нимбом.

«Хорошо жить!»—сказал вслух Попов и записал, как самодовольно, о том, что было перед глазами. Он пел, не слыша своего голоса.

«Очень хорошо жить на свете...»

Облака бегут назад...

А я чуть не улетел с самолета...

Но солнце мне светит сюда...

(Ему было и самому неясно, почему «но солнце», но как раз эта бессмысленность и нравилась ему своей простотой и какой-то невинной искренностью, глупой и смешной, в которой у него появлялась потребность при каждом полете).

«Пусть это глупо, ведь я взрослый человек. И чуть уже лгавый... Но это...»
Почему слово «дно», а сам не знаю...
А поезд смешной, как червяк!

И если бы этому вечно молчаливому и серьезноному на всем человеку сказать, что он лет в воздухе эту песню, то Попов никогда бы в жизни не поверил этому и обзавел бы тебя дураком.

Пролетая над ангаром, он потянул за трос и оглянувшись назад, конус оторвался и, быстро сокращаясь в размерах, начал падать вниз. На старте стояли в ряд крошечные самолетчики и вправо от них лежало Т, указывающее направление посадки. Попов даже разглядел на нем красноватый, сизого цвета метел свет, с черной парусины Т. Самолет пошел на посадку—приятнейшее ощущение, вызываемое установкой, желанием покурить и встретиться на старте с товарищем. Он мысленно решил, что с встречей с командиром и ту скромность, с которой он докладывает о проявленной инициативе.

Машина ползла по нейтральной полосе, возде показывая себя оружейника рассматривая отстрелившие конуса, подысывая отверстия паланий. Попов с наслаждением выпрягнул из кабины, моторист что-то кричал ему, указывая на руки, но уши были заложены, и Попов не слышал его слов. Рука комбинация, расположенный влод, безобразно обнажал мохнатый мех. Быстрыми шагами летяно вставали к командиру, беря руку под ковырек...

СТИХИ АЛЕКСАНДРА НОВАЛЕНКОВА

Александр Новаленков начал печататься в «Смене» в 1928 г., член творческого объединения при журнале. Работая под руководством Эдуарда Багрицкого, молодой поэт активно участвовал в последние годы в творчестве своей творческой группы. В своих стихах Новаленков стремится изобразить молодую советскую интеллигенцию, обладающую высокими марксистско-ленинскими мировоззрениями.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Поэма Т. Цитович

От духоты у нас в конце концов
Дурная кровь в ушах заговорила.
Как поинтерес, мы вышли на крыльцо
И по-малышески ушли на перила.
Ночь, вся была в кулешках, Тельняшко,
Язычеством, зарицами, пошлостью
Тянуща с поля. Крутые кусты,
Как медвежатка, шли из темноты.
И лес за ними — смутный и тяжелый —
Наощупь маялился на поселок,
На домики бревенчатых размеров,
На биваки бойцов и инженеров,
На недостроенные корпуса,
На молодые наши голоса.
Ты мне рассказывал
О том, что здесь два года
Тому назад
Самая природа
Еще не знала взмахов топора,
Что в ноздри заволакала мошкара
И зайцы
Кувыркались
Под ногами

И малярия
Синими губами
В визинах,
Где болотная трава,
Шептала непонятные слова.
А везду тем
(Как говорил геолог)
Под корнями камней медвежий елок,
В тысячекратном
Ураганной
Тишине,
Кремнистой почвой
Яростно приплюснут
Сила серых коммандан,
Своей и грузинской,
Единственный по качествам,
Стране,
Ее ответственному росту, нужной,
А следовательно —
И тебе и мне.
И молодость пришла. Веселая и злая.
С киркой и чертежами за спиной,
Неиская и неоская,
Сквозь
хвойный сумрак,
Сквозь
болотный тьму
Она домыслась с песнями. И без.
Лес отступал
И снова в драку лез
И снова отступал.
И сучьями — снова
Упрямая пила.
И пригнала кирка.
И знала первобытности сосновой
Все глупее догадала издалека.
Дни были трудными. Гузла
Голова, и в лихорадке тело
Крыжалося, и вода
Имела ржавый вкус.
И каждый день костра,
И синие обвалы под глазами,
И волчья ночь, когда
В палатках шарила страх.
Надолго замкнули память.
Но радость известна. Она не отставала.
Не шалася с пустяками в лазарет.
Усталая,
сдавалась у привала,
Упрямая,
вставала на заре.
Нет, Я доволен.
И не детской тенью
Мои белыя молодость идег,
Что по лицу
Не сиюю — спрерью,
Но хвоей зной

Меня эпоха бьет,
И незачем
Завидовать потомкам,
Пускай они
Завидуют моей —
Самоотверженной,
Настойчивой
И горючей —
Тревожной жизни
Победителей.
Есть счастье —
Утром
За ворота
Спросонком выметти
Густую свежесть щек
И знать,
что впереди работа,
Что подвиги
Не кончены еще.
Ты замолчал. Светало. Дождь редкий
Пунктирами дождил на стекло.
Из палаты поднималась вагонетки
И лизгали в суставах тяжело.

1. ЛЮБОВЬ

Теперь о тебе. О приметах твоих,
Которыми дышит сегодня мой стих,
Которые мне до истома знакомы,
Которые Лорети мне, как законы
Возвланной юности, легкой и скромной,
Внезапной с размаху в сирой и огромной
Проверенный мир, где ждали холопоты,
Где снова песни и горючей крапивою,
И орудью хвойной, и солнцем зеленым —
В окошко несет. И дремучим озоном
Дышать хорошо в перелухах предместий.
И вместе идти на работу. И вместе
Уверенно чувствовать времени ход,
И знать, что у нас под руками встает
Иная эпоха, похожая на
Все то, чем сегодня гордится страна.
Но жалит об этом. Пора о другом.
О женственной свежести. О небольшом
Малышеском росте, о маленьком ухе,
О том, как теплы загорелые руки,
О том, как глаза доброты влажны,
О том, как на нее кулачки нежны,
О том, как строится ты. Короче — о том,
Что снова поет в подсознании моем
И спать не lässt. И врывается в память,
Стоит и смеется перед глазами.
Стоит и грустит непонятно о чем —
Такое нивное и дорное,
Как будто сквозь листья в овраге глухом
Я платье увидела твою голубое.
Как будто в последний безвыходный раз
Ты машешь рукой и уходишь все дальше,
И страшная ясность
Монх
Провожающих глаз
Опять говорит мне, что я еще мальчик.
И это любовь. Я ей верю. Мне сазало,
Что ты не такая, как все. Что укралкой
И я становлюсь не таким. Что сильнее,
Чем все, что осталось от прожитых дней,
Желание жить с тобой завтра. И вместе
Встречать в перелухах рабочих предместий
И горе, и радость, и юность свою,
И то, по чему я любовь узнаю.
Но жалит об этом. Пора о другом,
О том, как мы время в лицо узнаем.

А. Новаленков

2. ВРЕМЯ

Я в детстве догонял на лыжах,
В боярском ельнике искал твоё лицо.
Ты саяло саяло на страницах книжек,
Ущербо пошало с портретов чужа-то
рышек
И бабешкой
Саяло на крыльцо.
И вырос я.
Ты встало за плечами,
Пошло командовать
И днями
И ногами,
Гулять в ушах
О том, что впереди,
И колокотать в груди.
Ты вымчалась
Из меланхолического плена —
Из тихой старинки,
Из дикой тышины —
Тебе в затылок
влетела с козана,
Бегут в дождь
дорогами войны,
Бьют из обреда,
о жалком грози,
И вростно
звонит
назад.
Сегодня ты идешь со мной бок о бок,
Мырем с лесорубами в сугробах,
Притихшее пылесос с плотовщиком,
Под плотничий бросается рубанок
(Гладильщи — вырос новый полусанок)
И перовоз в тайгу пошел пешком! —
Дремучее,
сверклое,
сырое,
Уже гуляешь в турбинах Днепростроя,
За трактором ложись бороздой,
На коротышке с уларником в лабы
Упроче лезешь, чтобы перегасть
себя.
Чтобы в четыре — пять.
Ты — молодость моя,
Ты — это все, что слышу,
Все то, что чутью
Слушает меня.
Опять зима,
Опять мороз по лыжам.
День отапка.
Снежанок томятоты.

Современное плечо массива Гармо

ледникам Мушкетова и Портябко. Несколько групп исследователей, побывавших здесь в предыдущие годы, приняли к сведению, что путь по обоим ледникам недоступен. Москвин берет на себя задачу развезти эту леднику.

Позднее месяца продолжается штурм хребта Петра Великого, исследование ледников района. Первая же разведка по леднику Сайры обнаруживает богатые месторождения меди — первый вклад экспедиции в фонд пятилетия.

Неожиданно ч. геолог Солдатов пытается подняться вверх по леднику Мушкетова. С большим трудом это ему удается. Но наверху они встречают ледяную стену, нет пути, нельзя даже ориентироваться. Путь к устью Гармо здесь закрыт. Возвращаются назад.

Москвин пытается подняться по леднику Портябко. Ему удается найти путь вверх. Удары молотком геолога, и в ветвевой мышелочке прыгают первые образцы золотосодержащих пород. Здесь месторождение, мощность которого покажет анализ. Между ледяных стен пробирается группа Москвина, исследуя хребет Петра Великого, собирая образцы золотосодержащих пород, отсылаясь прохода с севера в глубины устья Гармо. Пройден большой участок вдоль хребта, но дальнейшего пути на юг нет.

Тяжело нагруженные исследователи спускаются вниз, несся многокилометровый, образцы и занесли на карту этот район, впервые увидевший человека.

Наш отряд идет дальше на юг. Задана — проинспектировать в устье Гармо с запада. Показались Денсир и река Мук-Сук. Высокогорными пастбищами мы идем к перевалу через хребет Петра Великого. Среди диких козочек на громадном участке раскинутого травяного плоскогорья встречаем совхоз в 48 тыс. голов оленей. Летом скот пасется здесь, на зиму перегоняется на запад, за 300 километров. В 1931 г. здесь были только козочки. Пятилетка социалистического животноводства за год дала шагнул вперед.

Плывут лошади, поднимаются, на перевал Гарди-Кафтар Колпата скользя по снегу. Лошадь и люди тяжело дышат в разреженном воздухе. Здесь высота выше 4 тыс. метров. Спешив вниз — в долину Хингоу.

Два дня пути на восток, вверх по ущелью, и мы приходим в селение Пашигарт. Дальше нет селений, нет козочек, нет людей. Вперед — на западе — устье Гармо.

Идем дальше в глубины устья. Около 30 километров путь идет долиной, поросшей кустарником, деревьями. Платежи начинаются черная громада ледника, заволнованного ущелья. Над ледником — лабиринт вершин.

Легко идти продолженной тропой. Легко ориентироваться по компасу и карте. Здесь нет тропы, зато поможет компас. Висит карта — лист белой бумаги, который мы должны превратить в карту.

В устье Гармо — предстоит работать больше месяца, не возвращаясь. Нужно на этот срок заготовить продовольствие, необходимые снаряжения. Решаем организовать высокогорную базу далеко вперед, на леднике Гармо.

Чтобы перевести груз, пробуем добраться до ледника на лед. Трудная и рискованная задача, но она экономит нам несколько дней. Альпинисты ведут лошадей за повод. Надувучки и люди в киноленте. Поднимаемся на лед, залезаем на тропу, отыскивая более безопасные места. На другом спуске один тянет лошадь

группой Москвина, Марушвили и Писегина — на юг. Крылатко и мне предстоит пробираться через центр устья Гармо.

Как проходит первая разведка?

Семь дней работы — и назва возвращаются Воробей и Цак. Они наткнулись на ледяную стену, составляющую хребет Петра Великого с юга. Сделали зарисовки, разведочные восхождения, дали картину северного участка. Это важно и для геологов и для топографов. Но дальнейшего пути на север нет. К такому же выводу пришла и Москвин, работавший на севере, безуспешно пытавшийся пробиться к нам на юг.

Почти без результата проходит попытка южного отряда: Марушвили—Писегина. Они не сумели ориентироваться, не сумели найти подступ и к южному северному участку. Крылатко, мне и геоморфологу Маркову предстоит пробираться прямо на восток, через центр устья Гармо.

Несколько дней пути по леднику, изрезанному трещинами, разломами. Вещь путь — это непрерывные подъемы и спуски. Ледник не представляет ровной поверхности. Это — море, мгновенно затвердевшее во время штурма. Частицы приходится пускаться в ход асфальт. Выскакиваем ступени, по ним вверх, по ним вниз, — там, где крутизна. Наконец подходим близко к подножию вершины Гармо. Над нами гигантская стена — в 7-8 км. Так как наш отряд поднимался уже сам на большую высоту, мы стоим ниже вершины на 3 тыс. метров. Но 3 километра, отделяющие нас от вершины, — длиной отнес.

Считаем ледники, падающие с вершины Гармо. Один, два, три, четыре, пять, наконец шесть. Выберем пятый ледник как наиболее доступный для подъема вверх на хребет, к вершине.

5 сентября начинаем подъем по леднику. Пятый ледник падает сверху двумя рукавами. У развилки этих рукавов мы останавливаемся на ночлег. С трудом размещается палатка между двумя громадными трещинами.

Ночью жутко слышатся как по ледяным мостикам, над которыми мы стоим, гуляют срывающиеся куски льда. Внизу бездна вероятно в несколько сот метров. 7 сентября поднимаемся зигзагами, друг за другом, по крутому фирновому (снежному) склону хребта. Тяжело дышать в разреженном воздухе.

Прямую путь вверх нам отказать нельзя. Идем в боковом направлении. На высоте 5600 метров остается внизу геолог Москвин. Дальше путь слишком труден и опасен.

Лезем, то карабкаясь по ступени по льду. В нашем боковом передвижении мы отошли от сравнительно пологой склоны пятого ледника. Стоим над отвесом шестого ледника.

Свершешся—предстоит не меньше двух километров падения вниз. Это требует удивительной осторожности.

Круче и круче склон. Сейчас лед висит почти отвесно. Приходится пробовать ступить не только для ног, но и для рук. Нельзя шагать вверх, можно только лезть. От острых козлов лед испаряны ноги. Садится ледяная принимает крайний.

Большую трудность представляет карниз, висевший с хребта над нашими головами.

Еще нас унесет, и мы под карнизом. Выходим по льду коридор и отступаем назад. Карниз оказывается крепким, и нам удается подняться наверх. Еще не все. Более пологий склон лед надвинулся, дальше, к вершине. В пять часов вечера Крылатко и мне удалось подняться наверх. Это — северное плечо устья Гармо. Высота, по измерениям 1928 г., — 6700 метров. Под нами — восточная часть Памира.

Быстро развертываем карту. Здесь это не белый лист бумаги. Перед глазами уже исследованный район. Под ледники, падающие с Гармо на восток. Дальше бивуачный ледник, ледник Федченко, где уже исследованы вершины. Стан найдем. Теперь уже мы стоим уверенно, зная, где находимся, зная дальнейшее направление работ экспедиции.

Пора спускаться вниз. Это — не менее трудная задача.

Тем же путем, хатаясь руками за острые козлы льда, осторожно вставляя ноги в пробитые асфальтом отверстия, спускаемся вниз.

Здесь нельзя сделать неосторожного движения. Успех восхождения помогает нам. Завыта усталость. Мышцы работают так, как будто нет за плечами напряженной многочасовой работы.

9 сентября вечером мы уже вернулись на высокогорную базу и на общем совещании с геологами и топографами намечали план дальнейших работ.

Весь сентябрь и часть октябры работали отряды экспедиции, исследуя устье Гармо во всех направлениях. Быстро составлялись карты, проводились геологические записки, проверялись образцы. Альпинисты исследовали новые перевалы.

Последним звеном в исследовании устья была козырьевый переход двенадцатой группы на г. Чагане с Крылатко. Этот переход, продолжавшийся около пятнадцати дней, помог расширить устье в южном направлении. Наш отряд обошел устье Гармо с юга и вышел на ледник Федченко, где соединился с метеорологической группой Попова.

Еще несколько дней исследования бивуачного ледника, и мы возвращаемся обратно в Ош. Сметываем свою работу и остальные отряды экспедиции. Тяжело нагруженные образцами, ладут лаборатории. Они несут ценнейший груз для лабораторий Академии наук. Заполнены дневники, записные тетради.

5 декабря снова возвращались в Ош и Сталибаба отряды ТКЗ, каждый с новым запасом исследований, с новым изданием в разведку горных тайн Памира.

ВЕСИ ЭЗЕРЕСТ

Дюнос-Пассос — один печально известного, являющийся одним из крупнейших изданий в САСШ и также на окраинах и убежденных друзей Эвереста. Дюнос-Пассос — часть Международного объединения революционных писателей.

Когда Веси Эверест приехал на родину с Германского фронта, он демобилизовался из армии и вернулся к своей прежней работе лесоруба. Его предки, происходившие из штата Техасси и Кентукки — целая семья лесорубов и охотников за белками, — переселились в свое время в гигантские леса тихоокеанского побережья. В армии Эверест считался метким стрелком и даже получил медаль за удачный выстрел.

Уже с давних пор предприниматели и политики Вашингтона*, заинтересовались гигантскими лесными богатствами тихоокеанского побережья благодаря чему:

Десять монопольных компаний, объединивших тысячу восемьсот два предпринимателя, монополизировали зороваши тысячу двести восемь миллионов восемьсот миллионов (23038000000) квадратных футов строевого леса, чего было достаточно для постройки плавающего моста шириной свыше пяти и толщиной свыше двух футов на протяжении от Нью-Йорка до Ливерпуля.

Дерево для строительных лесов, для роскошных загородных дач, для барачков и хижин, для пароходов и для изготовления бумаги для жестиж журналов, газетных передовиц, объявлений, регистрационных карточек и префуркаторов.

Лесорубы, плотники, тесовники, пищики были рабами лесной империи, где варь появились организаторы ИРМ*, «вообли», как их называли в Америке. Они говорили, что леса принадлежат всему народу, что за работу надо платить наличными деньгами, а не товарами на покупку товаров в хозяйских лавках, что рабочие должны иметь место, где высушить измокшую от пота рубашку после работы на снегу и морозе, что они должны иметь восьмичасовый рабочий день, чистые барачки и хорошую пищу. Когда Веси Эверест вернулся домой из Европы, он сразу же вступил в ряды союза, присоединившись к местному комитету лесорубов в городе Центральи.

«Вообли» были «красные». А сыны красных летом 1919 г. были гораздо хуже, чем сыны ладифицистов летом 1917 г.

Лесопромышленники и владельцы лесопильных заводов были патриотами. Они вытискали валюту, которая поднимала цены на лес с 16 до 110 долларов за тысячу кубических футов. Были даже случаи, когда правительство платило 1.200 долларов за тысячу. Они решили во что бы то ни стало отнять от «красных» рынок лесных разработок.

Короче говоря, они сформировали Ассоциацию работодателей и Легион любящих лесорубов. Легион был сформирован из местных лесовладельцев из армии хулиганов, чтобы устранить налеты на помещения союза, избивать и линчевать его организаторов, сжигать подозрительную литературу.

В день памяти полков в гражданской войне 1861 г. багильты из Американского легиона, разогнаемые группой лесопромышленников из местной торговой палаты, ворвались в клуб союза лесорубов и жестоко избивали его участников и это привело к помещению. Многие из рабочих были арестованы.

Газеты и брошюры, найденные в клубе, были сожжены, а мебель продана с аукциона. До сего времени и это прищип «вообли» стоит, в здании торговой палаты.

Лесорубы нашли новое помещение, и союз прекратил расти.

Начавшие Дни перемещения в 1919 г. в городе

* Здесь говорится не о городе Вашингтоне, а о штате Вашингтон, расположенном на крайнем северо-западном побережье САСШ.
ИРМ — Индустрис-Рабберс-Минерс, профсоюзная организация на акционерно-индустриальной платформе. Была в свое время революционной организацией, впоследствии борющейся за интересы рабочих и поддерживавшей несколько летних стачечных комитетов. В настоящее время эта организация давно уже перестала играть революционную роль и превратилась в нечто вроде профсоюзной организации, связанной с Профсоюзом.

де позали саухи, что на клуб союза состоится налет. Молодой человек из хорошей семьи и с хорошими манерами, по имени Уоррен Гримм, был в свое время офицером американских войск в Сибирь. Это создало ему авторитет в делах, касающихся рабочих и большевиков. Поэтому он был избран командующим силами соприосударенных американских граждан Центральи, чтобы навести страх божий на несокорных лесовиков.

На лесозаготовках в штате Вашингтон в САСШ

Лесорубы, посоветовавшись с адвокатом, решили, что они имеют полное право защищать свой клуб и самих себя от нападения.

Веси Эверест был метким стрелком. В День перемещения он надел свою военную форму и наби карманы патронами. Эверест был отличным охотником. На митинге в соседнем клубе переш нападением шим разговоры о том, что легионеры собираются линчевать руководителей комитета. Веси Эверест не выступал, он ходил по рядам в своей куртке солдата, надевая поверх рабочего комбинезона, и раздавая литературу. Когда ребята сказали, что они не допустят второго погрома, он остановился в проходе с газетами в руках, свернул папироску и унавоился тихой, насмешливой улыбкой.

День перемещения был сырой и холодный. Там пудм спускался в город с Пуджет-Саунд и пудм залпыми с темных высочу сыны и бестипичности фаворитов годовых аляков Уоррен Гримм командовал парадом легионеров. Все были в военной форме. Когда колонна их прошла мимо клуба союза, не остановившись, лесорубы вздохнули свободно. Но на следующий день, когда легионеры остановились как раз перед входом в клуб. Кто-то пронзительно закричал.

Кто-то крикнул: «Ну-ка, двинься на них, ребята». Кто-то был изоружен, быстро сформировались в дерев. В ответ раздались выстрелы. Стреляли откуда-то из глубины зала.

Гримм и один из легионеров были убиты. Нападающие отступили в беспорядке, но те, кто был изоружен, быстро сформировались и снова вошли в наступление.

Они напали нескольких безоружных рабочих, спрятанных в старом шкафу, и молодого пири в военной форме с подпоясанным вверх руками.

Веси Эверест расстрелял весь магазин винтовки и, бросив ее, побежал. Не останавливаясь, он прорвался сквозь толпу, наполнявшую

зал, задержав преследователей выстрелами из кольта, перескочил через забор и победил выны по уаиче.

Толпа последовала за ним. Люди бросили веревки, с которыми они шли линчевать Бритт Санта, секретаря союза. Бегство Эвереста спасло жизнь остальным «вообли».

Остановившись на бегу, он раз или два задержал толпу снова. Добравшись до берега, он попытался перейти через реку избор. Попав в воду, он остановился и обернулся к преследователям с тихой, насмешливой улыбкой на лице. Он обринул шапку, и волосы взмокали от воды и пота.

Толпа на берегу двинулась вперед. — Назад! — кричал он. — Если среди вас есть фаворны, я слышу.

Толпа приближалась. Он выстрелил; не целясь, четыре раза, потом в оксминные револьвера что-то аало. Тогда он хладнокровно присядился и с силой нажал собачку. Раздался выстрел, и первый из нападающих упал.

Веси бросил безословный теперь револьвер и встретил нападающих кулаками. Толпа схватила его. Кто-то ударил его по лицу рукояткой револьвера и вышиб зубы. Кто-то наброся ему на шею веревку, и толпа уже собралась повесить его. Но какая-то женщина пропунтисла сквозь ряды и сняла петлю с шеи.

У нас даже не хватало смелости повесить меня дном, — сказала Веси Эверест.

Они отвели его в тюрьму и швырнули на пол одной из камер.

Достался и другим арестованным лесорубам. Их подвергли жестоким пыткам.

Ночью свет в городе был потушен. Толпа подошла к наружной двери тюрьмы.

— Не стреляйте, ребята, — сказала тюремщица. — Берите своего парня, вот он.

Эверест встретил их сто.

— Скажите товарищам, что я сделал все, что могу, — прошептала он своим соседям по камере.

Его схватили, втолкнули в автомобиль и отвезли к мосту на реке Чикалис.

Когда Веси Эверест лежал связанным на полу каюта, один из местных торговцев нагнулся и поцеловал его бритвой.

Кто-то рассказывал, что Эверест наконец взмолился.

Застрелите меня. Не мучьте так.

Тогда они повесили его на мосту при свете горящих фар автомобиля.

Судебный следователь был большой шутник. В своем отчете о деле он написал, что Веси Эверест вырвался из тюрьмы и прибежал к мосту через Чикалис. Там он надел петлю на шею и повесился. Но заметил, что веревка была слишком коротка, он взобрался на мост уаидия и с силой повиселся, предварительно извергнет себя уаидия.

Перевел с английского А.А. Абрамов

Первый пленум оргкомитета Союза советских писателей, работы которого проходили в Москве накануне XV годовщины Октябрьской революции, войдет в историю развития советской литературы как крупнейшее событие, как знаменательная веха. На этом пленуме на основе апрельской резолюции ЦК партии о творчестве литературной была в основном разбита групповщина, осуществлена консолидация коммунистических сил в литературе и создан единый союз советских писателей.

Писатели всех национальностей Советского союза, различных творческих направлений, но объединенные общим стремлением участвовать в великой социалистической стройке, оружием своего мастерства, образовали единый фронт, противостоящий капиталистическому миру.

Апрельское решение ЦК партии с гениальной прозрачностью вскрыло противоречие между фактом перехода на позиции социалистической власти и социалистического строительства подавляющей массы писательской интеллигенции и рамками существующих литературных организаций.

Эти рамки тормозили серьезный размах художественного творчества в стране и создавали угрозу отрыва писательских кадров от политических задач современности. Групповая нэпистовская критика не заметила величайшего кри-

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЛЕНУМ

ны пленума следующие знаменательные слова:

Я думаю, что нигде в мире нет такого покровительства писателю, какое существует у нас. Я думаю, что это необычайно важно, что это необычайно пошло в литературу. Это замечательно глубокое явление. Я всю жизнь мечтаю, что из низов крестьянства будет выходить поэты.

Доклад на пленуме Г. Кирпотина о советской литературе к 15-летию Октября ярко показал, насколько эта мечта стала уже фактом. Советская литература — наиболее мощная, богатая, оптимистическая литература в мире. Новаторство содержания и формы, которыми отмечены многие произведения литературы Советского союза (русской, украинской, белорусской, татарской и др.) оказало огромное влияние на литературу Запада и Америки.

Лучшие представители буржуазной литературы во всем мире, разбившие победы социализма в Советской стране рухнули, связывающие их со старым обществом,

Фото Соколов

творческому методу социалистического реализма есть «тенденциозность» объективной действительности. Именно поэтому метод революционного романтизма, для которого особенно характерно оттаивание от будничных фактов, заглядывание в будущее, не есть что-то кардинально противоположное методу социалистического реализма. Метод

Л. Леонов и В. Иванов на пленуме

рина, Либединского, Фадеева была дана безоговорочная большинство критика ошибок бывшей РАПП, что в выступлениях другой части бывшего рапповского руководства (т.т. Авербах, Киршон, Маркеев) восторженно провозглашалось, оставив для себя возможности для маневрирования, как это отменил в своем заключительном слове председатель оргкомитета Союза советских писателей Г. Горьский. Эта вторая часть с трудом еще перестраивается.

На пленуме были поставлены во всю широту теоретические проблемы литературной практики. Важнейшей из них является проблема социалистического реализма. Лозунг социалистического реализма требует от писателя локация правды нашей действительности.

Социалистический реализм — это не бытописательство и не фактография. Это такой творческий метод (отнюдь не единственный), который берет действительность во всей ее полноте, во всех противоречиях и в то же время высказывает ведущую тенденцию развития.

Социалистический реализм — это реализм нашей борьбы, в которой немало трудностей, но трудностей переходных, переходных. Это реализм той борьбы, которая все сильнее и сильнее разрушает старый мир и приближает время осуществления безгосподства общества коммунизма. «Тенденциозность» в

романтизме тесно связан с методами социалистического реализма и является как бы его частью. Для нас особенно важно создание таких произведений, которые увлекут бы молодого читателя романтикой покориения пустынь и степей победоносных социалистическим трудом, романтикой научных социалистических дерзаний, романтикой борьбы с классовыми врагами во-юве и внутри страны.

На пленуме был также поставлен вопрос о необходимости всемерного развития драматургии в связи с возросшим исключительным значением театра как орудия социалистической культуры. Производители драматургии уже создали ряд значительных произведений («Стар» Афиногенова, «Сетице звезды» Микитенко, «Неизвестные солдаты» молодого украинского писателя Первомайского и др.), но это бесконечно мало в сравнении с теми требованиями, которые падают из широких масс рабочих и колхозников.

Важнейший итог пленума — консолидация всех советских писательских сил под руководством большинства партии, ликвидация в основном групповщины, создание единого союза советских писателей всех национальностей СССР.

Под этим знаком наша литература построит великую Милитаристскую Дипломатию и станет вровень с великой эпохой.

Пришвин, Солонимский и Шолоховский

рысского перелома произведений в создании старых кадров писателей, и продолжали наклеивать ярлыки на все те произведения, которые не соответствовали творческому методу этой группы. В то же время декларировались сугубо неправильный, политический вредный лозунг: «Союзник или враг».

Выступления на пленуме советских писателей показали, насколько правильно и благоприятно для всего развития литературы Советской страны было решение Центрального комитета партии. Такие писатели, как Андрей Белый, Михаил Пришвин, заявили о своем горячем желании участвовать в строительстве социализма, работать под руководством партии.

Андрей Белый заявил, что он «обобществляет свой станок», он требует, чтобы им руководили в его творческой работе профессора Коммунистической академии.

Михаил Пришвин, рассказывая о том, как его травила групповая критика раньше, до постановки ЦК, и какой радостный подъем он ощущает теперь, бросил с трибу-

по-новому истории литературы, и образует единый фронт с советскими писателями.

За последние годы выросла приваждая в литературу молодежь. Тов. Кирпотин называл имена: Сивилев, Васильева, Германа. Против Чернышкова и других, начавших работать всего два три года назад и уже давших ряд ценных произведений. В то же время критика отстает от роста литературы. Наша критика, достигшая крупных успехов в борьбе против врагов, лживых фронтовиков и других вражеских течений, должна теперь заняться повышением идеологического и художественного качества произведений.

Встал вопрос о выработке пролетарской эстетики, о разработке разработке жанров. Все это потребует огромного внимания партии, комсомола к подготовке кадров марксистски образованных и хорошо знающих литературу критиков. На пленуме выступили представители руководства быв. РАПП. В выступлениях т.т. Чуманд-

Ю. Олеша и Ю. Л. Бединский

ЗАКЛЮЧИМ ДОГОВОР ДРУЖБЫ С ГЕРОЯМИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Его очень трудно заставить рассказывать боевые эпизоды. Он ссылается на отсутствие способности красочно повествовать о том, что так волнует и влечет молодое поколение.

И когда ты его наконец-то «уломаешь», он скажет всего несколько слов, но такие слова, которые потом долгое время не могут испариться из памяти.

Вот почему мы предлагаем: час он работает на московском Электростроительном заводе, а час — в музее.

«Богатую боевую жизнь прожил я. Много бы мог вспомнить. Вот так и просится на острое перо случай с чехо-словаками.

Дело было так.

Наступали чехи. Чувствовалось, что нам, красногвардейцам, не устоять.

Однако нужно было во что бы то ни стало выиграть время для организованной эвакуации, без паники, без жертв. И вот мы вместе с т. Шпакоским и другими красногвардейцами решились на такой трюк: наперекор чехо-словакам погнали пустой паровоз. Он со всего размаха опрокинул эшелон чехо-словаков, разрушил путь и дал нам, красногвардейцам, возможность эвакуироваться в полном боевом порядке.

Как видите, работая смышлено и беззаветной преданностью революции всегда были на изготовке у красных бойцов».

Коротко и ясно. А ведь этот эпизод можно было бы развить по меньшей мере на целую книгу.

Не менее интересен рассказ рабочего Электростроительного завода — красномощника Новикова.

«На казенные выданы были апрель 1920 г. Мы на Польском фронте. Враг перешел в на-

ступление. Был унылый горючий бой... Красногвардейцы дрались до последнего вздоха.

Но силы противника эшелоны пересекли, и 47-я стрелковая дивизия была разбита. Не повезло и нашей 7-й стрелковой дивизии. Мы были окружены разъяренными противником.

Надвигался отряд красноварейцев и красноварей. Разутым, раздетым и голодным бойцам объяснил, в каком они находятся положении:

— Станция Малино занята польскими войсками. Они устроили крушение санитарного поезда между ст. Коростель и Малино. В результате наши 6 броневиков оказались в колыде.

Перед нами, оставшейся горсткой бойцов, была поставлена задача: зыркнуть и стремительным натиском взять станцию Малино.

Этой же ночью мы пошли в наступление. Красногвардейцы шли вперед решительно и уверенно. Я двигался все время впереди и помогал комбат-у 2 т. Синглову командовать отрядом. Мы подошли к станции и ринулись на противника. «Враг» разорвался над ним, как несколько тяжелых снарядов.

Тем не менее противник упорно не сдавался. Я велел на батарею врага — из польского орудия открыл огонь по полякам канальею — и — артиллерист. Противник был бит. Однако нам пришлось еще много «поработать» вместе с рабочими для очистки путей, пропуска наших эшелонов и броневиков.

За этот бой дивизия получила красное знамя, комбат Синглов — золотые часы, а я был награжден орденом Красного знамени».

Таких отрывков из боевых эпизодов можно было бы привести огромное количество. Каждый кусок воспоминаний живых свидетелей и активных творцов героических дел — это неиссякаемый фонд революции, незабываемый клад боевого опыта и величайшего энтузиазма ударных батальонов, дравшихся под руководством партии большевиков за диктатуру пролетариата.

Может ли мы, молодежь, отказываться от этого богатства? Нет, не можем.

В ближайшем будущем начнет выходить «История гражданской войны». Она не только расскажет молодому поколению, как отроковица ждала под советской звездой.

Однако это не должно отодвинуть на послед не место возможности получения молодежью боевого опыта непосредственно от героев гражданской войны.

После работы прямо от станков и инструментов красномощников, красногвардейцев и красные партизаны — ныне рабочие Электростроительного — пришли в свой комсомольский комитет. Сюда же пришли секретари и военигры комсомольских ячеек.

Так состоялась первая встреча героев гражданской войны с молодыми активистами красномощников Электростроительного.

Красногвардейцы Новгородца сказав:

— Мы должны опыт, который получили в революции, передать вам — молодежи. Мы, старики, вместе с молодым должны так укрепить нашу освоенную войну работу и военную учебу, чтобы Электростроитель не только внешне, но и внутренне каждый день был непрестанной крепостью пролетарской обороны.

В этой сжатой формулировке двухсторонних задач стариков и молодежи красногвардейцы Электростроительного выразили твердую линию ударной бригады мирового пролетариата.

«Социалистическое отечество в каждом его звене должно быть такой броней, о которую разобьются все удары империализма».

В заключение из героев гражданской войны были избраны районные бригады, которые отпраздновали по чехизмам проверить военную работу комсомола.

Эта первая встреча должна перейти в последнюю организационную связь героев революции с молодыми бойцами патристича. Опыт красногвардейцев должен стать всеобщим достоянием.

Это бывает на каждом молодежном собрании, на любой массовке. Звонкие голоса дружно выводят любимую песню:

... Шли лихие эскадроны
Примурских партизан...

Если у нас такое настроение, если нас покинула дух бодрости, прослушав эту песню, мы словно расцвеем, шаркиваемся, и незаметно для себя начинаем строить шпатель.

Неужели просто написанная песенка имеет способность так сильно действовать? Да, это так. Большинство комсомольцев без заминки расплещется под эти утверждения.

Стадо было еженесячные, воскресная боевые дни героического прошлого, способная дать нам, как безукоризненно работающих аккумуляторов, десятки воли жизнестойкости энергии, то какой же потом бодрости можно вызвать рассказ самого участника героической борьбы на фронтах гражданской войны?

Вот заговорил красногвардеец Козлов. Сей Прикрепил красномощников, красногвардейцев и красные партизаны к отдаленным комсомольским ячейкам для передачи рабочей молодежи боевого опыта и героических традиций гражданской войны.

Заключить комсомольским ячейкам договор взаимных обязательств с красногвардейцами и партизанами и организовать проверку исполнения договора.

Юношья и ударники литературы должны записать по рассказам героев различные эпизоды из гражданской войны, которые на военных званьях и даже на комсомольских собраниях явятся живым воспитательным материалом.

В порядке индивидуального соревнования старик и молодежь сумеют внести ряд ценных рационализаторских предложений для пополнения фонда военной техники РККА.

Голосом за тесную дружбу с героями гражданской войны. Мы уверены, что эта дружба еще больше активизирует многогранной резерв Красной армии.

Красногвардейцы Шлиссельбурга.

ЛАБОРАТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА

О ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

На вопрос авторов стихов, чего главного недостает у них в произведениях, можно ответить двумя словами: высокой культуры. А без нее писать стихи нельзя. Если дворяне, владевшие высокой культурой, читали писанину от деды, то мы этой роскоши не можем себе позволить. У нас стихи обязаны выполнять почетную задачу: помогать росту нового социалистического человека, росту классности, сознанию постоянного бесславно-социалистического общества.

Это обстоятельство выдвигает перед авторами стихов задачу поднять свой культурный уровень, свою политическую, техническую грамотность на высоту, достоящую нашей эпохи. Безграмотные в политическом и литературном отношении стихи не могут стать в ряды творений, помогающих культурному росту рабочего класса.

Высшая высокая культура, оставшаяся нам старыми классиками, диалектически отобрать лучшие из сокращенной мировой литературы, учиться на этом лучше, овладеть научным мировоззрением рабочего класса—марксизм-ленинизм—пот ответ на вопрос авторов: что делать дальше? «Трудно это—скажут начинающие авторы. «Нелегко,—ответим им,—но не невозможно». Это положение применимо к любому из начинающих авторов.

Передо мной—несколько стихов и писем, присланных со всех концов Советского союза на адрес журнала «Смена». Начнем с наиболее характерного из этих писем—с письма Т. Серетина.

«Прислала стихи. Очень прошу указать мне мои недостатки.

И еще прошу, хотя и стыдно мне это, ой, как стыдно: ответить поучно на вопрос, что есть слово «тематика»? Я буду—очень благодарна, если ответите».

Вполне естественно, что товарищ, не богатый со словарем, не знает простого слова «тематика». Тематика в самом общем значении есть собрание тем, произнающих одной общей идеей, одной целеустремленностью. Так, например все то, что написано о гражданской войне, будет тематикой гражданской войны, написанное об эпохе реконструкции—тематикой реконструктивного периода и т. д. Так Какова же тематика большинства присланных произведений? Умеют ли товарищи показывать в своих вещах какой-либо конкретный участок, брать конкретную тему?

Вот стихи Малинина из Севастополя, Дуринова из Керчи, Весеннего из Рязани, Милюкова из Днепродзержинска, Пылающего на Пелю, Гольдфельда из Одессы. У всех этих авторов—недостатки одного и того же порядка: отсутствие нашей революции, Ударничества и сдвигания, пятилетия голыми общими фразами, легкая зарифмованными сомнительными рифмами, а в то и совсем незарифмованными, излияние прескученной с основными элементами стиха—размером, образностью, композицией,—а часто и обыкновенная безграмотность.

От глас настоящих рукามา причтеша
Изобретений сипшы под суну—

пишет Т. Малинин.

Здесь вместо слова «кипы» автор изобразил слово «сипшы», причем вместо «причтеша» ставил «причтеша». Слово «сипшы» совершенно лишнее, так как всем понятно, что кипы изобретения, если они и придутся, то рукам, а не ногам.

Невозможно привести все стиха целиком, чтобы конкретно, строчка за строчкой, указать автору недостатки. Но любя из стрф в большинстве случаев содержит недостатков целого стихотворения.

За сменой смен твора здаша,
Как тучи краснеющих роз. (Малинин)

Это—уже попытка дать образное представление о стихах. Стихи не совсем получаются из записанных, изданных. Где вы, товарищ Малинин, видели, чтобы тучи шагали, да еще были похожи на «краснеющие розы»?

У нас расцвет, у них упадок...
У нас цветет страна—жизни...
У них там кризис, слышен сирокко,
Плюс—разружаться начались. (Милюков)

К рифме «упадок» привалил звукомиметическое слово «сирокко» вместо «сирокко». Строка «У нас цветет страна—жизни» неудачна из-за отсутствия одного ритмического слога. Разрушение капитализма автор хотел в этих строках показать в сатирическом свете, но сатира получалась неудачная, кроме автора никому не понятная.

Мы все кипим в бурных водах,
В морских просторах океанских волн,
В степях колышутся хлеба. (Пылающий, ученик ФЭУ)

Здесь—попытка написать так называемым «белым стихом», т. е. стихами без рифм. Но все стихотворение не выдержано в этой мере. В приведенной выше строке надо было сказать: «на волнах океанских просторов, по-шумели бы верней. А так—безграмотно. «Степи хлеба»—это не образ, а вместо «колышущегося» следовало написать «колышущегося».

Ряд товарищей пытается лирически оформив свои настроения, связанные с работой. Эти отходят от голого прозаического языка. Это хорошо. Но плохо то, что и эти товарищи не работают над грамотностью языка и стихотворной техникой.

Вот вечер. Гаснет свет.
Раскаты палатки.
И в них всеполюют говорят
О прошлом дне курсанты. (Дуринов, курсант дз. бора)

Размер в этой строке есть, в рифмы забыты, между тем как в других строках этого стихотворения строчки срифмованы, хотя и очень примитивным образом: «Григет—выступлет», «спут—гопак», «не-схитриллы»—провазали и т. д.

Нормому содержанию нужны новые одежды—рифмы. Здесь никому можно поучиться у Маяковского.

Хочешь еще то, что стихотворение Т. Дуринова построено не на абстракции, как многие другие, а дает живую картину отдыха красноармейцев. Но плохо, что эта картина технически сделана кустарно, небрежно. Заряд пропал даром.

Однако призрачные к трескучести, к общим фразам, к рассуждениям характерно и для этой группы авторов.

Я видел жуткие картины
С кровью алого кайной.
Я слышал резкий свист дубины,
Приклады длаг и плач и вой. (Лейтман)

Автор изложил стихотворение холудыми фразами, внешне не говорящими эпитетами, определениями («жуткие картины») и внешней буффонией («свист, визг, плач, вой»). Стихи получились надуманные, неудачные. Кроме того приклады образы идут сползностью. Это уже неприличное, невниманье к своей работе, писание «по-дворянски», от безделья. Автор этот немного знаком с теорией стиха, но нужна большая усидчивость в практической работе над стихом.

Лед пробойт несую,
Выглянет цветет.
Нежно над сосною
Улетит хвостер.
Весна своим дышаньем
С улыбкой слегка
Поит очарованье
Корня тростника. (С. Сорокин)

Таких стихов, как приведенные выше, авторы пишут очень много. Они (стихи)—яркий пример того, как не надо изображать природу. Они напоминают: сосняком, хвостером, дышаньем, улыбкой, очарованье, улыбка... Автор этих стихов—деревенский парень. К лицу ли ему, колхознику, покоряющему природу совершенными орудиями социалистической тех-

И. Милюков

ники, так бедно, так примитивно писать о природе? Ведь безобразие о «востерках» никак не выражает нашего отношения к природе, и пыталость авантюризм!

Нам природу надо брать в органической связи с явлениями и явлениями социального процесса. Иначе грози цена стихам, написанным о природе «общими», да еще примитивными, беспомощными в литературном отношении приемами. Надо, чтобы в произведениях отражалась некая эпоха, которую автор переживает. А ведь по стихам Сорокина трудно сказать, когда они написаны: в сороковых годах прошлого столетия или в эпоху социалистической реконструкции.

Коммунистический поэт Александр Жаров так изображает природу:
Я—делегат небесной рати,
Я—от востерного ЦЕКА
Я—солнце—пылающее дельте
И на земле, и в облаках.
Вчера работала на поле,
Теперь с апрелем мы вдвоем
Пришли осебодить на поле
Ручья—ренесанс район.

Эти слова и образы, связанные с нашей борьбой, кладут на стихи яркий отпечаток сороковых времен, своей эпохи. Про эти стихи никак не может сказать, что они написаны при «царе Горохе».

Надо с беспощадностью выбрасывать из поэтического словаря слова и образы, давшие удачных времен. Надо работать в поэзии теми образами, которые подсказывает сегодняшняя жизнь. Жаров в данном случае говорит языком, на котором говорят коммунисты, в котором язык творчески Жаров Дерзавки в свое время в выисранных одах пользовался тем лексиконом, который был наиболее приуспе дворовой знати.

Что же характерно в основном для стихов, от авторов которых мы сегодня говорим?

Характерно стремление поставить свои стихи в ряд стихов борцов (стихи о пятилетии, о социализме и т. д.)—это у большинства,—и в бескультурье, мешающее стихам выполнять эту почетную задачу. Авторам надо много учиться. Трудность бояться не следует.

У нас для быстрого культурного роста личности есть все возможности. У нас отливает страна писательской культурой, приращиваясь новыми, социалистическими сти писателя. «Нам не надо писателей сверхчеловеком» (Ленин), но нужны высококультурные писатели, своим творчеством помогающие делу социалистического строительства.

Партия выдвинула лозунг: создать «Магистраль творческой литературы». В создании этой Магистралей должны участвовать сотни людей, социалистически мыслящих писателей. Ничто не мешает преодолеть трудности в учебе, в приобретении культуры. Без этого нельзя писать.

И. Милюков

ПРОТИВ УПРОЩЕНСТВА

Примерно год назад «Комсомольская правда» подняла вопрос о показе героев молодежи. За это время появилось немало произведений, стоящих перед собой эту задачу. Однако в своем большинстве произведения находятся на низком идейном и художественном уровне.

Остаются желать лучшего книжки, изданные «Молодой гвардией». За малыми исключениями, они протокольные, схематичны и художественно бесцветны.

Будем справедливы. Не все в них плохо. Отдельные авторы сумели в какой-то мере показать героическую работу комсомольских бригад, сумели запечатлеть профиль молодого героя. Однако авторы не умеют дать героя во весь рост. Правильно подмечен в герое отдельные черты, они бесцельно создают его целостный облик. А подлинное искусство как раз начинается там, где на основе отдельных, казалось бы разрозненных черт создаются законченные образы, выражающие определенные общественные закономерности.

Показ героев комсомола характеризуется наличием общих недостатков, постоянно повторяющихся в ряде произведений. Эти недостатки должен осознать каждый молодой автор, задавшийся целью показать героев комсомола.

Читатель помнит—с чего начали поэты «Кружанин».

«Труда—труби в трубу».

Песи машины, шуршали ремни, стучали молоты, вращались колеса.

Стройнись железобетонные здания, упирались асфальтами в голубой эфир. И надо всем этим возвышался рабочий. Он не ходил, а топал, не разговаривал, а орал на весь мир: «Мы растем из железа».

Вспомни, кто попытка была показать сейчас великанов-рабочих с ненормально развитой мускулатурой, вместо реальных рабочих, будничных в своем героизме и героических в своих буднях, создали бы мизантропические маски, бледные, вымученные сцены.

К сожалению многие еще склонны к дешевой героизации рабочего, к романтической холудности и фальшивой позе.

Вот она—

Видишь,

Великие, смелые
в брызгах брезентовых.

Так начинается свое стихотворение об ударниках молодой поэт П. Романов. Беря столь высокую ноту, Романов сразу попадает в фальшивый тон. Сказать: «Вот они, великие, смелые», значит сказать общую фразу, обезличивающую действительно смелых, действительно больших людей нашего социалистического сегодня.

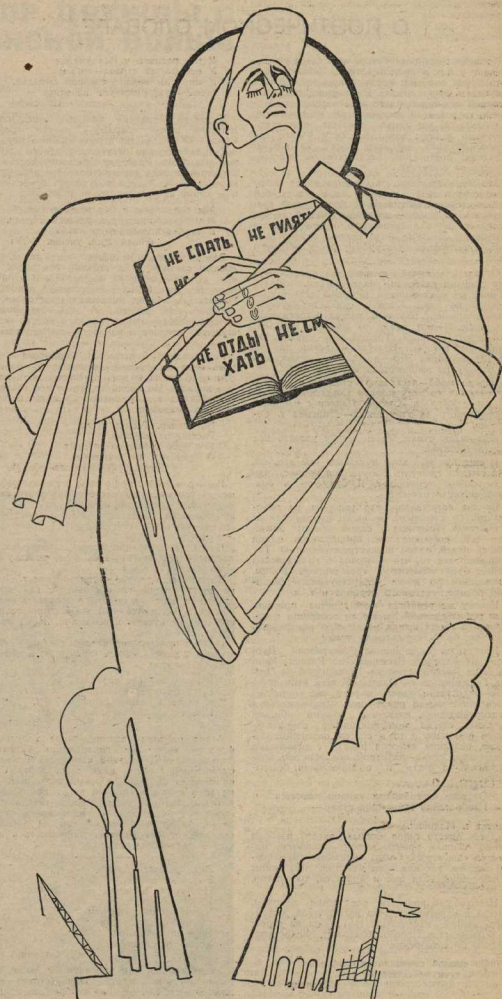
Обезличка выражается и в другом—в причислении героев под одну гребенку. Но метод уравниловки обнаруживает свою несостоятельность и в литературе. Нельзя причислять на один образец людей различной социальной среды, различного уровня мировоззрения. Был ли беспризорный, сезонник-единоличник постепенно освобождается от анимизма социалистических переломов и превращается в организованных пролетариев, колхозников, сознательных строителей социализма. Но кривая роста героя обычно поменяется безукоризненной прямой. Герой дается «готовеньким».

Впрочем, многие авторы охотно и пространно излагают биографию героя. Но желание все сказать—это средство всем наскутить—гигиенит Вольтер. Художник должен уметь отбирать факты биографии, выделяя в них важное, общественно значимое. На примере характеристики Андрея Панова («Крутая ступень» Крайневой) мы убеждаемся в преимуществах того метода, который преодолевает плоский биографический эмпиризм.

Неумение видеть в герое индивидуально-особенное приводит к его обезличке. Уравниловка и обезличка—это орудия и решка одной и той же монеты.

«В бригаде их восемнадцать беззубых ребят»,—сообщает Е. Ткачев в «Молодые союзы». Но Ткачев так и не потрудился показать, чем живет и дышит каждый из этих восемнадцати. Он изобрел общую формулу, смазывающую индивидуальные отличия.

Но ведь еще не все и не все скучные люди, мы не подстрижены под одну гребенку. У каж-

В представлении многих авторов герой—это человек не от мира сего.

17

НОВЫЙ ФИЛЬМ ЭРМЛЕРА И ЮТКЕВИЧА

Один товарищ, просмотрев новый фильм режиссеров Эрмлера и Юткевича «Встречный», так выразил свое мнение:

— Прекрасный фильм. Соревнование, жизнь завода показаны на большом паде. А вот комсомол испорчен... Ведь это же безобразие: выпивают в честь нового члена партии! Пьют вино в ознаменование большевистской победы!

Давший эту оценку товарищ — не ханжа и не аскет. Секретарь заводской ячейки комсомола, он не находит преоудительного, когда товарищи отмечают распитой бутылкой вина большое радостное событие, праздник или когда ребята танцуют, слушают патефон, модно одеваются. Но, вступая в податливые искусства, этот товарищ сразу меняет взгляды. Здесь его представления и вкусы обуболены теми низкачественными, идельно бедными образами, которые не так уж редко показывали наш экран в последние два года наряду с отдельными весами подлинного мастерства.

И не только в области кино мы имеем это явление. И в литературе и в музыке просачивалось слизавое приспособленческое дрище, искажающее, схематизирующее, обеляющее нашу действительность, показывающее вместо живых людей социализма каких-то бесплотных красных ангелочков.

Фильм «Встречный» — это не только победа кино, это — победа всего фронта советского искусства, переживающего теперь посылку нового мощного подема. В наших спорах о социалистическом реализме, о путях и средствах наиболее выпуклого и глубокого показа правды социалистической стройки опыт фильма «Встречный» очень многое поможет уяснить.

Самая крупная художественная победа «Встречного» — естественное, свободное движение его образов. У каждого образа есть свой особый путь развития, зачастую не влезавший в рамки схематических представлений о действительности. Но сквозь разнообразие и пестроту характеров, сквозь причудливую ткань событий и фабульные неожиданности пробивается и все громче и громче звучит главная идея пьесы — идея победоносного все трудности социалистического труда.

Мастер Бабченко (артист Гардин) приводит в партию не только потому, что испытывает мощное влияние коллектива, но и потому, что задеет чувство его профессиональной гордости. Авторы фильма, создавая образ старого мастера, отталкивались не от убогой жизни. Чувствуется не только прекрасное знание типичного характера при типичных обстоятельствах (Энгельс), но и меткость глаза, знание деталей быта, начиная от манеры старухи Бабченко паливать стакан водки муку, кончая хрипом граммофона, который ублажает тоскующего мастера.

Изумительно сделаны и образы инженера Скворцова и его матери. Внутренняя опустошенность этих осколков старого общества, у которых исходит искренности даже у отпавших друг с другом (сцена у роаяля), передана выпукло, весомо. В каждой мелочи, в четырехугольном черепе Скворцова, в разбитой оконной стекле, сквозь которое инженер смотрит на вечерний Ленинград, в сучьях пальных матери, пробегющих по клавишам роаяля, во всем этом — огромная сила ненависти восходящего класса к старому миру и огромная жизненная правда.

- На снимках — сверху вниз:
1. Хорoshi беды ночи в Ленинграде! (Скворцов, жена Скворцова Вера — артистка Тонина, комсомолка Нина — артистка Туркина).
 2. «Сюда беспартийным нельзя!» (Сцена у вагонного партамента, мастер Бабченко — артист Гардин).

Образы Бабченко и Скворцова наиболее удались авторам. С меньшим мастерством сделан образ секретаря паркома. В его обращении с массой рабочих сквозит шаблон актерский наигрыш. К чему например это лукавое подлаживание, поздравление рабочих в сцене с монтажом станика? Разве не видит зритель, что старая гвардия во главе с Бабченко охвачена подлинным винуизмом и свое задание выполняет?

Но все же и образ секретаря паркома, и образ его горючего, перекисавшего в битвах друга — инженера Павла, и образ жены Павла — комсомолки-работницы, наменены правильно. Новое и интересное в подаче этих персонажей — показ их в различной обстановке, без назойливого нагромождения «производственного фона», столь типичного для картинных фильмов на производственных темах. Мы видим героев дома, на вечеринке, на прогулке в белую ночь, и все же чувствуем, что центр жизни этих людей — завод.

Сам завод с точки зрения архитектурного оформления фильма подан блестяще. Нужно отметить талантливую работу художника-архитектора В. Дубровского-Энне. Механический цех завода-гиганта дан без напыления, «кустарного» «срамлизма». Точно так же, как архитектор сумел уловить и выпытать на первый план типичные линии, и культуры вещей, так и звукооператоры (Л. Волк и Н. Дмитриев) услышали характерные звуки обрабатываемого металла, специфические шуми завода, которые не шумят в общем индустриальном шуме и грохоте. А ведь именно такой спонтанный шум был характерен для фильма «Симфония Донбасса» и др. Звук в фильме «Встречный» несет полную нагрузку. Он подан легко, экономно, но зато он не прикраивается, не обрубается, не сглаживается. Материал фильма, а является его органическим элементом. И здесь намечается линия приближения звукового кино к театру, все большего и большего насыщения синтетического искусства кино.

Сквозь весь фильм проходит ощущение радости победившего класса. Молодое солнце светит хозяину эпохи. Монументальность образов, крупный план — все это черты нового формирующегося стиля.

Основная мелодия фильма, написанная вокальным поэтом, не блещет новизной. Легкий, неглубокий, быстро запоминающийся, но и быстро забывающийся мотив. Песни наших композиторов, работающих в кино, еще плохо конкурируют со старыми песнями. В массе перебран песенки безызорных и гуляющих фабричных, из «Путевки в жизнь» и «Златый горь». А после песни этих фильмов пришлось плохо. Здесь предстоит огромная благородная работа для наших композиторов и поэтов. Звуковое кино — несравненное средство распространения массовой песни.

Фильм «Встречный», сделанный в 2 месяца и 15 дней ударным коллективом ленинградской госкинофабрики к 15-летию Октября, достойный этап исторической даты, которой отмечено его появление. Он знаменует новый родеи советского кино, идущего трудным и великим путем к вершинам социалистического искусства.

Бригада «Смелые»: Е. Абросов, Я. Белинский, М. Гольдберг, Н. Добровольский, А. Жислин, В. Коженин, А. Палченко, А. Ойсендер, Л. Шарга, А. Шпирт

- На снимках — сверху вниз:
3. «Вылезай из нового члена партии».
 4. Пускают турбину.
 5. Неудавшееся новоселье.

БЫТОВАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

В предыдущем номере журнала «Смена» мы уже печатали отписки на письмо комсомольца М. Кирилловского, опубликованное в № 14 журнала. Основана на продолжении обсуждения вопроса со стороны читателей.

Мы печатаем письма наших читателей без всяких притраченных к таким работам, чтобы в следующем номере журнала подвести итоги проведенной дискуссии и высказать свое мнение по этому вопросу.

Тон Кирилловский должен учесть просьбу тубольской комсомолки И. Эре и написать свое мнение по поводу высказанных наших читателей и комсомол

НАДО СБЛИЗИТЬСЯ С АКТИВОМ

Михаил Кирилловский затронул вопрос о людях, которые среди нашей молодежи наиболее близки к активу.

Однако считать их хоть сколько-нибудь приспешниками для нас по-прежнему не следует. Такой тип людей безусловно нуждается в «ссылке» и в технической помощи. Беда этих людей — в активности, в оторванности от жизни.

Путь и способ исправления много, но основной путь, по-моему, один — это большая близость к коллективу, большие познания коллектива, чуждость к нему. Будучи надоевшие с собой, не станешь ни плавать, ни смеяться.

Если т. Кирилловский так устительно развет, как он об этом пишет, то ведь в его работу поинтересоваться должны активисты и пропагандисты и агитаторы.

А иногда еще надо принять во внимание настроения и запросы окружающей молодежи, иначе говоря, стать близким к этой молодежи, слиться с ней, т. е. опять и опять сблизиться с коллективом.

Ольга Навинская.

ПОЧЕМУ У МИХАИЛА КИРИЛЛОВСКОГО СУХОСТЬ И ЧЕРСТВОСТЬ

Я хочу рассказать о том, как наш комсомольский актив маленького городишка Вернейеральского смотрит на любовь и как мы незаметно делаемся «молодыми старичками». Вот перед нами Ваня Попов, но пришедшему рабочий. Идет с ним на работу районный комсомольский работник. Отроду он имеет 22 года.

Он мне сказал: — Какой толк заниматься на девчонку, если нет цели довести с ней дело до «конца» или нет цели сделать ее другим мужчиной. И без того дела много. Бываешь некогда...

Так говорит не только один Ваня Попов. Таких же мнения придерживаются и Востриков, и Александров, и другие ребята.

Часть вернейеральского комсомольского актива немалым образом превращается в «молодых старичков». Нет близости, нет зазора. Народ смеется на чрезмерную близость «большими делами».

Я считаю, что для настоящего комсомольца это явление ненормально. Нет у нас рациональности в быту, в повседневной будничной жизни. Такой «ранней старости» способствует и то, что комсомольские женщины и отдельные комитеты, в том числе и наш вернейеральский районный комитет, в бытовую работу а комсомол оставляют на взрослых.

С. Сорокин

Гор. Вернейеральск

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА НЕРАЗДЕЛИМЫ

Я живу на свете всего с 1911 г. Вот уже четвертый год, как я работаю на заводе, и столько же времени, значит, сопрякаюсь с молодежью. Уже второй год моему комсомольскому стажу. Я работаю на двух крупных заводах, на фабрике, не раз сталкиваясь с молодежью советских учреждений.

КОЛЛЕКТИВ ПУСТЬ УКАЖЕТ ПУТЬ

Вопрос, заданный т. Кирилловским, прежде всего является не обособленным вопросом: он задает массу житворящих, связанных между собой неразрывной цепью вопросов нашего нового, строящегося социалистического быта.

Прежде всего я считаю, что прямая линия лежит на том коллективе комсомольцев, в котором состоит т. Кирилловский. Его письмо доказывает, что коллектив не сумел предупредить его личные дела, не сумел пойдти к нему с той чуждостью, которая нужна в данном случае.

Именно отношение коллектива, первое товарищеской группы коллектива, должно указать путь товарищу Кирилловскому.

В некоторой степени сдвинул с т. Кирилловского влечет к индивидуализму, больше того — к междоусобице индивидуализму.

Возьмите «эпизод» в письме товарища К. Он повел: «Прилично это для комсомольца? Кого может быть непорочно быть вместе со своим товарищем-комсомольцем? Подумал т. Кирилловский, может ли отразиться его такое отношение к девушке на ее работе, поделал ли он злобуе к этому вопросу, хотя бы поговорила с ней? Нет. Это вина самого т. Кирилловского.

Моя товарищеским советом т. Кирилловскому будет:

Побольше общения с коллективом, массой, прочтете брошюры И. Кинина «Дружба и товарищество в комсомоле и прочтете стихотворение «Право на любовь» А. Жислина, написанное в «Смене» рядом с его письмом.

Коллектив комсомолов механической мастерской завода необходимо устроить свои проекты и постановки, заданный т. Кирилловским, на широкое обсуждение комсомольцев завода.

А. Марков

Гор. Красноярск

НАЧЕСТВА КИРИЛЛОВСКОГО НЕ ТАК УЖ ПЛОХИ

Я не комсомолец, но это состояние «старческой меланхолии» очень понятно мне. И я не думаю, что так уж плохо подходить к себе с требовательной строгостью, с умением сдерживать свои порывы, уделять больше внимания серьезной и большой работе, творческой сейчас новую жизнь.

Что же касается опасений юноши, что к нему не придет большое и настоящее чувство к женщине, то это конечно ерунда.

А «Лосику», которая обженилась ему в любви, он только потому так холодно пожелал руки, что просто не испытывал к ней никакого чувства. И я думаю, что именно поэтому в том, что он живет так серьезно и вдумчиво, не желая замыкаться в себе, нужно быть ближе к людям, больше делиться с ними своими впечатлениями, а не хранить их, как секретную реликвию, ревниво в себе, тогда чувство от ума, политические трактаты сменяются хорошим, задушевным разговором о своем, о близком, понятном для всех.

Вера Адамова

Гор. Омск

ЗАБЫЛИ О БЫТОВЫХ МЕЛОЧАХ

Я знаю, что неоднократно судили ребят на районном активе за то, что тот или другой парень выпил. Делали «примечания» а для того, чтобы выпить, в тубе этого дела, узнать, чем таквана выпивка, что у него в это время делается дома, этого у нас нет.

Почему у Миши Кирилловского сухость и черствость? Никуда прсто дождит комсомольцы, а я го-комсомольцы бы определили так, что у него порок нравов, и в то же время о бытовых «мелочах» у них ни вчбоды, ни комитет не заикнется, а отсюда и такой характер.

Стенан Сорокин

Гор. Вернейеральск

«Нанов может быть непримичие быть вместе со своим товарищем комсомольцем?» (Из письма т. Маркова)

ые скопища различных способностей, или они хочется поделить с окружающими.

Блестящие мастера самодеятельности и пельмени — это массовики. Но не все клубы сумели правильно оценить это. Массовиков нужно иметь во всех кружках, иначе работа кружков будет протекать в мистической неизвестности. Вот, к примеру, фотокружок: ну что бы казалось, в его работе можно было внедрить в массы, кроме хорошо или плохо исполненной продукции? А технику самого дела вы забыли? Разве нельзя на любом вечере клубы вынести фотоаппаратуру в фойе к людям и здесь производить съемку, тут же проявляя и печатая карточки, объясняя сущность этого дела? Разве это не было бы лучшим выходом из положения хронической замкнутости работы кружков? Уличные булыжные фотографии, работающие с магической таинственностью возле своих ящиков, собирают вокруг себя всегда кучи зрителей. Значит не всем знакома техническая сущность фото.

Товарищи драмкружков, сколько огорчений и скор возникает у нас на почве непонимания ролей, сколько страданий причиняет вам то, что ролей в пьесе мало, а нас много. Вот вам огромное поле деятельности. Разве вы не могли бы систематически устраивать в клубе гротескные читки? Художественное чтение — это не так, как вы боитесь пошлость. Но при выделении к огромным формам настоящих театров заселяют у нас зачастую этот участок интересной и чрезвычайно благодарной работы.

В работе напавшей на работу клубов, самым немалымая яростная любовь к мимическим формам работы. Если в клубе идет постановка, то она непременно сопровождается действиями мимическими: бегущими по фойе в антрактах, если вы вздумаете зайти в клуб — нибудь секцию клуба, закрытая дверь отпирает на ваш робкий стук суровой немотой. Но время многочисленных докладов с их громкой напавшей тишиной клубная работа существенно замедляет, и нет того, чтобы взять да и организовать в перерыв доклада танцы или игры. Зато вы если вернетесь танцев, ведь клуб будет считать, что вы не пришли, что вы не хотите. Но чтобы сочетать одновременно все многообразие клубной работы, чтобы каждый посетитель имел возможность активно участвовать в кружке и разнообразить работу клуба — этого у нас еще нет. И что же в результате? А в результате вот что: клубные кружки в своей работе придерживаются мимичной таинственной замкнутости — это скучно, не клубный, не секция, а секция — нибудь закрытыми дверями, где под табличками «Драмкружок», «Фото», «Изю» висят суровые предположения, что «входить, мол, посторонним не рекомендуется. Кружковцы с нулевым уровнем правосознания смотрят на sneжних посетителях, лица клубовцев замкнуты и суровы. Это известно, они нежно готовят к каким-то своеобразным выступлениям. Выступлением. Нет, клуб по их мнению — это лаборатория, где они готовят гибкий к высокой чистоте, а посетители клуба — это так, принудительный эксперимент.

Но вот что же остается делать обыкновенному рядовому члену клуба, который не полагает себя тому или иному славному ордену «драм», «фото», «изю» и т. д.? Что делать ему, если у него дома тесно и криво, а в клубе много детей, что делать ему, когда хочется просто по-человечески потолкаться со своими приятелями о производстве, о самом себе? Да в клубе мало ли есть о чем поговорить со своими друзьями! Ему хочется утратить словесной обстановки, хочется немного развлечься. Ведь клуб потенциально может замечательно полно удовлетворить такого человека.

В Пролетарском районе в Москве, возле площади им. Пролетарки, есть такая церковь, носит она кажется имя преподобного Сергия: погруженная в сырость дряхлых толпот, церковь взмучена в небо объемные купола куполов, и вот здесь, в ее мрачных стенах, дожидаются старинные старушки и старички. А во дворе церкви — клуб. Ситуация очень обильная для нашего времени. Клуб им. Бакаева — очень малочисленный, местность зрительного зала на менее 500 чел.

Весь клуб недавно отремонтирован, и потому в нем все так ярко и чисто. Миша Растопчин с группой Растопчиных, московских генералов, полковников (полковник — «Бойне и вырвет»), в родословной связи не состоит; рабочий, бывший красноармеец, коммунист. Миша Растопчин — зам. клубом, завхоз, завфин и прича, прочая, — ведь он за недостатком койки спит в себе чуть не десертной ложечкой. Растопчин водит меня по клубу — и, еле сдерживая

Отойдите, граждандин! Сегодня по специальным билетам

любующую улыбку, с наслаждением влякая сладостный для него запах свежей краски, поворачивает.

— Ты если что заметил плохое, прямо говори, мне это сейчас важнее всего будет. Хочу, чтобы мой клуб был самым лучшим. Понял?

Ну, как не понять. Ла, клуб хорош; правда, в нем нет ослепительной театральной мощности, ведь зрительный зал всего на 500 человек, но в нем уютно и удобно, а это главное. А ведь трудно было приспособить безлопастый тракторный причесистый церковный фантел, раздвинуть его немалые капитальные стены и в сырые щели окая аврарить куски светлого неба. Растопчин говорит о клубе доброе и с увлечением. Он жалуетесь, что клуб территориально отдален от самого преддверия (завода Электроставодов). Ему бы хотелось, чтобы рабочие после работы заходили в клуб просто так, поспать, поговорить. Двери всех секций открыты, кто чем хочет, тем и занимается. Дежурные инструкторы организуют хоровое пение, танцы, физкультурные занятия, учат рисовать, фотографировать, чтобы в общем и целом чувствовать себя в клубе, как дома, а то и лучше. Кто не хочет инеем заниматься, пускай сидит в буфете за чистейшими столиками, пьет чай и балдакает. Нужно добиться, чтобы посещение клуба было не случайным, а стало привычкой.

Вот организован и курс, кройки и шитья, — продолжает Растопчин. — Женщин избралось много, а быту это необходимо штука. Пришла конечно с одной только целью — научиться шить и больше ничего. Но когда издается в клубную работу, втянулись, стали принимать участие. Вот курсы давно уже окончили, а в клуб все равно ходят. Среди них было очень много отставных. Нужно уметь заинтересовать клубом. Такие вот углубленные курсы дают блестящие результаты. Слово — заканчивает Миша. — Вот церковь рядом работает по всем правилам церковного дела, а churchy, что хочешь ты озадачить свою статью «кто кого» или еще что-нибудь в этом духе, а гауло будет. Ты не обижайся, — ну разве можно сравнивать трактор и ослепшую, с трясущимися от страха ногами клубу? Миша подошел к окну и шелуху шингелем — ношем, добротным, напоминающим русский затвор, — распахнул форточку, и громкоговорель шумом города в пестротетном сини шум ворвался в шум клуба и смешался с ним.

Выйдя из клуба, я заглянул в раскрытые двери церковь, в сумрачной мгле сквозя желтые иерархические огни свечи и увидел тошноту, как у гонимых китайских кули, или угодников. Несколько темных фигур копошились в полках, священный танца что то уныло, пахивалие — жуть. Я изумился, зачем, и ниша веселая московская уния огромнхнула меня живительным светом и шумом.

Ян. БЕЛИНСКИЙ

ВЫСТАВКА НЕМЕЦКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Блакины
начиненных простенков,
Каменною
грудью и спиной,
Серых красок сумеречным спектром
Выставка

встает передо мной.
Я брожу
с почтительным вниманьем
По шоссе,
свернувшись в кольцо.

Изауча,
как рлят Германию
Бруно Тавт
и Эрих Менделсон.

И ло дыр
прошупывал фасады,
Руки

запущенны в голые штаны,
Даже пубина
разнервничалась слезли:

«Вы ведь не прозрачны,
гражданин!»

Я вздыхаю
ребрами карасов,
Отмечаю

каждую деталь...
Взвруг последней телеграммой Тасса
Фотографий вспыхнула змья.

В четкую
простенков разлиновку
Цепком глазом
возвуча смотря,

Визую —
сапогом гранит торговку
Гитлеровский
штурмовый отрял!

И в академическую тишость,
Где парад
архитектурных форм,
Вызывает,

громыхая дико,
С шуманями
полднейский фор!

А настречу,
ночь домом штурмов
Где «Паласт» и «Капитоль»
блестяют в ряд,

Вырастает
стройною конштурмов
Грозная
архитектура баррикад!.

Друг,
представь себе такую смену!
Где же плавность
хмеляния моя?

Вышел
не архитектурный очерк в «Смену»,
А стихи
о классовых боях!

И толпу
расталкивая грудью,
Взгляд прощальный
кнул на макет,

Знаю —
я не только архитектор буду,
Но солдат эпохи
и поз!

В ГОСТЯХ У ТАЙГИ

По весени 15 месяцев, по пространству 25 тыс. кв.—такова моя поездка в Якутию.

Москва—Иркутск—поезд. Иркутск—Верховья Лены—грузовой автомобиль. Качуг—Ноя—теплоход и пароходы по Лене, не зарисованной, не фотографированной и всего один раз описанной восторженным и потрясенным восторгом ее «стоюбой» И. А. Гончаровым («Фрегат «Палада»).

За Ноей—сотни километров тайги, гор, бадарасов, дождей. Пройти можно только и седе. Тропа перельяная (с Лены на Вилюй) доступна только ногам человека да конным лошади.

Были лодки, были «ветки» («дугебукки»), были басы в санях. Зеленою тайгой возили они наш багаж—по траве под горичным солнцем.

Взвалились серебряные облака снежной пыли, когда легкой табалар (оленя) носили наши партии по лесам, выгнанным «иглою иеи» на серебряных пластинках якутской земли.

На санях и лодках, на колесках и нарбах, на барках и собственных ногах, на катках и с ямками за плечами, по-бурацки поднимаясь в лодке вверх по реке,—была вся Якутия: просторная, и способы передвижения по ней многообразны.

Жили в шугуралках, на проточных для дождя крышах, в тайге без крыши, с крышами из веток, в балаганах из класеной и конских потников. Жили на крышах хатонгов, под св-

щенными ливневыми—«саама», на прилавках кооперативов, в красных уютах, в школах, в копях сена.

Рисовали с седла, из лодки, со спины быка с нарта, с палубы.

У НАМЕЛЬЯ

Ярко полыхает камелек. Фейерверком рассыпается искры. В корте собралось человек 20—пришло много соседей (живущих километрах в 10—20 от этой горы).

Из Москвы приехал художник. По тайге ездит художник. Художник много рисует. Все рисует и людей, и лошадей, и коров, и горы. Рисует юрту, пахоту, охоту, работу в колхозе, рыбообработку, школу, тайгу, кооператив. Все, все! Художник повезет много-много своих работ в Москву. Будет в Москве улица (большая) выставка. Там вся Якутия представлена будет. Широко можно, что приехал такой художник! Крайне ладно, что Москва заинтересовалась нами. Сильно интересно посмотреть, как так рисует художник из Москвы!

Такое «капсе» (разговор) идет впереди нас на одну сотню километров, и когда останавливаешься, видишь, что тебя уже давно ждут, о тебе все знают.

Ярко полыхает камелек.

Свету, чтобы рисовать, достаточно, и я усаживаю первую модель: первого суруксута семьи—первого грамотного человека—3-летнего девочку Варю. Закрепить образ. Не тут-то

было! Меня опередили две свечи, как часовые, выросшие по обе стороны модели. Откуда они? У хозяев юрты ведь не было ни одной? Оказалось, когда «соседи» увидели вырастающее на бумаге сходство, то... испугались, «как бы в темноте он не испортил начатое», и... кто-то сбегал за несколькими километрами за свечами.

Приехали мы в эту юрту поздно, народу собралось много, и многим из них надо было зарисовать. Здесь оказались и красивые патинаца, и коммунисты, и ударники ближайшего колхоза, многие из которых премияваны. До 3 часов утра поочередно усаживались один за другим «кандидаты на выставку в Москву».

Простулся в часовой в 6 утра (заснул «мечтательно» за столом от переутомления); очередные—ненарисованные—сидели в ожидании своего часа.

Я страшно смутился и начал «накидывать» проспанное, двенадцать рисунков было сделано за эту ночь.

НЫС ОГО

(Маленькая девочка)

Лошадей нет. Ямщик за несколько километров от станка косит сено на алесе. Не выехать нам из Арылаха. Прощай, Кутана!

— Что же делать?—спрашивает переводчица.

А я? Минут через восемь, у затора выросли 4 атар (коя).

Откуда?

Прошло минут пятнадцать, и вошел... ямщик.

— Кони готовы. Барда, товарищ (похаки, товарищ)?

Мы недоуменно переглянулись, запросили ямщика.

— Она вот,—ласково кивнула он в сторону девочки, выгладывавшей из-за камелька.

Старый якутский чум

На стройке в Якутии

— Но кто же ей сказал, что нам пужна лошадь?

— Уши. Когда вы разговаривали с переводчиком, она слышала, стоя за камельком, она сообразила, приблизилась за мной, а пока я собирался, она поймала коней и пришла.

Говорит по-русски.

— А ты по-русски говоришь?

— Вильдешини, — смеется языки (не понимаю).

— А кто-нибудь в семье говорит по-русски?

— Нет никого, — сообщает переводчик.

— Грамотные есть?

— Только она вот, Мотя.

МОТЯ ПОЗИРУЕТ

В присутствии Моти я зарисовал нашего эльгийского ямщика Дмитрия Петрова.

Семьдесят четыре года его жизни легли на рисунок, как сильно пересеченная страна на географической карте: морщины, перевернутые морщины, пучки морщин, мешки под глазами, дряблые обвисшие мускулы щек, бесцветные губы, выстиранные временем, и потрепанные под пальцами век глаза. Словом с портрета глядело лицо, на котором жизнь выгравировала семьдесят четыре года.

Старик остался доволен — сходно, ровно, наконец, самый «сеп» (очень ладно).

Я предложил Моте воссесть полчасика для портрета и начал было мнить карандаши. Мотя ушла к камельку.

— Ты что же? Не посидишь?

— Нет.

— Почему же?

— Не хочу.

После этого я нарисовал мальчугана-прогера «Орнамент» лица, разумеется, совсем другим: ни морщин, ни дряблости.

Мотя хорошо видит рисунок на своего укрыва, из-за камелька. И она подходит к столу, смотрит. Сосредоточенно. Вдумчиво.

— Вот если так нарисовать и меня — без морщин, пожалуйста.

Я рассмеялся, только теперь понял причину отказа Моти. Она боялась быть нарисованной

под старуху. Теперь она увидела, что морщинам порождает не всякое нарисованное лицо.

Строго и учтиво уселась «модель» у края стола. Прибавила себе еще — несколько грамм (привыкшая до того) серьезности, чтобы повзрослеть на портрете, и в продолжении всех тридцати минут сеансов единственными ее движениями были движения строгих ресниц и век — только они выходили за круг послушания.

Мотя Мотя

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы и очерки:

Лен Николаев — Молодость стрел. В. Кляни — Зависть. Нав. Ракхал — Мушкетер. Д. Бархан — Боевое крещение. Дюан Дюан — Бессонница. В. К. Косаев — За дробными рунами. А. Аюкия — Визитом доктору друзьям с термометром графической войны. Н. Мотья — Лабиринты творчества. М. Беккер — Против упрощения. «Встречный» новый фильм Якутия и Кутянов (полосатая редеющая группа «Хочешь»). В. Белен — В гостях у тайги.

Скитанье:

А. Коваленский — Потоп (разговор). Его же — «Добрыня, это же — Фрема». Я. Белинский — Выставка японской архитектуры. М. Скуба — Песня про дядю Порода и Упакана.

Исторический очерк.

Комсомольцы на фронте стройки.

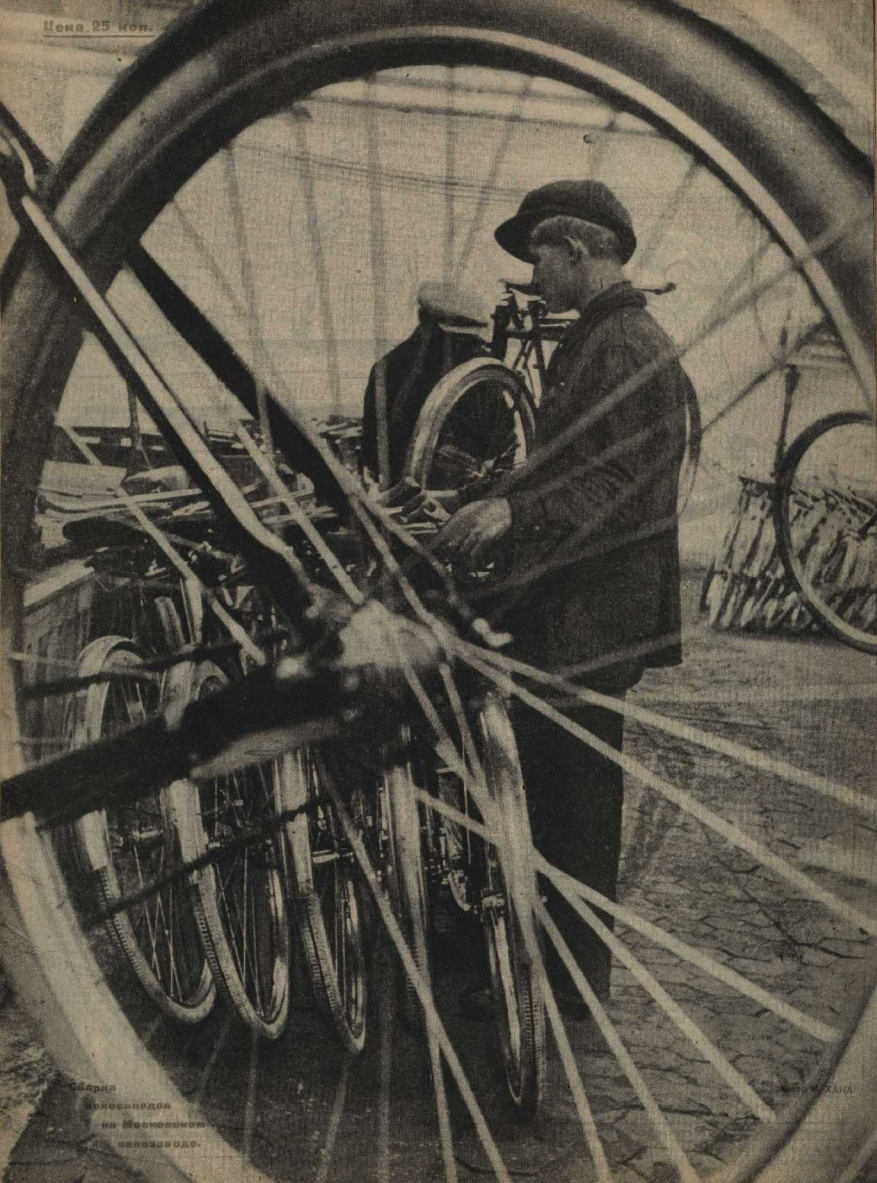
Выставка консулляции.

Рисунки:

В. Белинский, В. Коваленский, В. Белинский, З. Гайфудина.

Фото:

А. М. Морозов, М. Хана и Соловьев. На обложке — Вальс «Дилемма», Ф. Г. А. М. роина.

Сборка

велосипедов

на Московском

заводе.

В. М. ХАНА